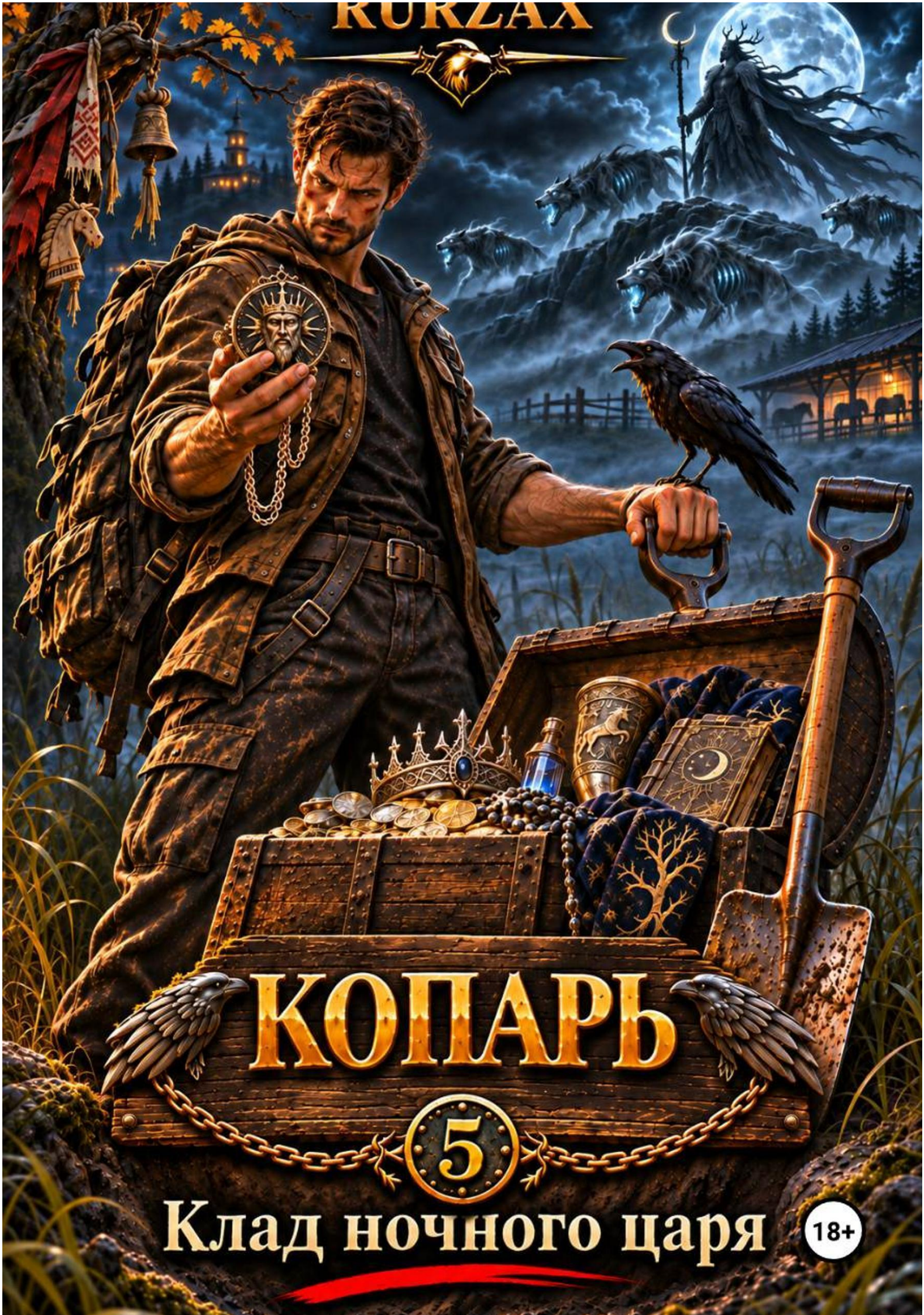

RURZAX
КОПАРЬ
5
Клад ночного царя
18+

RURZAX

Клад ночного царя

«Автор»
2026

RURZAX

Клад ночного царя / RURZAX — «Автор», 2026

В конном клубе лошадиные следы никого не удивляют. Пока они не появляются там, где лошадей быть не должно.Артём Горин берётся за поиск старого клада в клубе «Берёзовая грива». Серебряный жетон обещает хорошую находку, но за ценностями уже охотится скупщик Глеб Устинов. А по ночам возле конюшен появляется загадочный гость, оставляющий огромные следы копыт.Вскоре в дело вмешиваются кикиморы, призраки, вурдалаки и навий псарь со своей костяной сворой. У каждого существа собственные владения, опасные способности и счёты с живыми.Впереди три клада, магические схватки, предательство и охота, устроенная людьми Чёрного торга. Один из найденных предметов нужен существу, которое Устинов намерен продать за огромные деньги.Горину предстоит решить, где заканчивается право на добычу и начинается чужая память. Ведь ночной царь пришёл в Кобрин за своим. И отступать он не собирается.

© RURZAX, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночной зритель 5
Глава 2. Человек у ограды 12
Глава 3. Дневной разговор 19
Глава 4. Копытный след 26
Глава 5. Тяжёлая дверь 33
Глава 6. Чужая цена 39
Глава 7. Серебро в стене 46
Глава 8. Ночной царь 53
Глава 9. Плата за серебро 60
Конец ознакомительного фрагмента. 61

RURZAX
Клад ночного царя

Глава 1. Ночной зритель

Последнего клиента я отпускал под стук из закрытого шкафа. Там хранились краски и старый чайник, но Семён требовал вернуть на место миску, которую я утром переставил. Домовой понимал порядок по-своему. Клиент принял стук за возмущение родственника и предложил незримому собеседнику обсудить цены.

— Он с клиентами не общается, — объяснил я. — У него редкая привилегия.

Из шкафа ответили тремя ударами. Я знал этот сигнал: Семён требовал закрыть дверь в подсобку. Прежде чем я успел повернуться, дверца соседнего ящика сама поползла наружу и подпёрла проход. Я задвинул ящик, закрыл дверь — и за стеной довольно хмыкнули. Клиент предпочёл не спрашивать, кто там.

Старый седан остывал у открытых ворот мастерской. Хозяин прислушивался к работе мотора и хмурился при каждом изменении оборотов. Я захлопнул капот, вытер руки и протянул ключи.

— Теперь перестанет дёргаться? — спросил он.

— Пока вы снова не решите, что бензин по цене газировки подходит этой машине.

Клиент поджал губы, проверил ключи и всё-таки расплатился без спора. Когда его седан выкатился за ворота, я потянулся к выключателю. Зазвонил телефон.

Номер был незнакомый. Я приготовился услышать очередное требование, но в трубке заговорила женщина — быстро, деловито и без приветственных любезностей.

— Артём Горин? Мне вас Фёдор Ершов посоветовал. Сказал, вы умеете отличать старую вещь от современной подделки и не лезете в чужой карман.

— Фёдор обычно хвалит меня в отсутствие свидетелей. Подозреваю, это уловка. Кто звонит?

— Татьяна Воронцова. Конный клуб «Берёзовая грива». У нас из стены выпал серебряный жетон. Хочу понять, что это такое и стоит ли заказывать дальнейший осмотр.

Я присел на край верстака. Старый серебряный жетон, найденный в манеже, обещал интересный вечер. Для начала требовалось выяснить, откуда вещь выпала и кто вправе разрешить поиски.

— Из какой стены?

— Старый манеж. Обшивку задели, кирпич открылся. Жетон лежал в щели. Я его забрала. Может, обычная безделушка, но мой дед хранил там кое-какие семейные вещи.

— Фото пришлёте?

— Пришлю. Только по фотографии заключение мне не нужно. Хочу, чтобы вы приехали и посмотрели сами.

В телефоне щёлкнуло уведомление. На снимке лежал овальный потемневший предмет с отверстием у края. Сквозь налёт угадывался конский профиль. С обратной стороны виднелись две затёртые буквы. На фотографии вещь напоминала серебро, но подлинность предстояло проверять в руках.

— Осмотр стоит три тысячи рублей, — сказал я. — Сегодня могу после семи. Если нужен поиск внутри стены, условия обсудим отдельно. Без вашего разрешения ничего трогать не стану.

— В половине восьмого. И предупреждаю сразу: никаких обещаний о доле от клада. Даже если там целый мешок монет, имущество клуба останется у клуба, пока мы обо всём не договоримся.

— С мешком пока рано поздравлять. У вас есть один жетон и дырка в стене.

— Вот именно. Значит, поняли друг друга.

Она назвала адрес и отключилась. Я успел ещё раз рассмотреть снимок, прежде чем позвонил Фёдору.

— Ты зачем отправляешь ко мне владельцев конюшен? — спросил я вместо приветствия.

— У них серебро, а у тебя глаза, — сообщил антиквар. — И потому что я собираюсь поужинать спокойно. Женщина упрямая, разговаривает по делу. Постарайся не испортить впечатление.

— Ты предмет видел?

— Только фотографию. Сказать больше пока нечего. И не обещай ей сокровищницу царя Соломона.

— А если вдруг найдётся?

— Тогда позвони мне первым. Но только после того, как выяснишь, кому она принадлежит.

Я убрал телефон, но царапина возле отверстия на жетоне осталась перед глазами. Так изнашивается вещь, которую годами снимают с одного крепления. Семён за дверью подсобки наконец угомонился. Сначала найду место, где лежало серебро; разговор о цене подождёт.

Дорога к «Берёзовой гриве» шла через новые кварталы Кобрина, потом вдоль складов и частных домов. Клуб стоял на городской окраине, за длинной светлой оградой. По одну сторону тянулась улица с остановкой и магазином, по другую темнели деревья. На парковке было полно машин; несколько человек спешили к воротам, на ходу поправляя куртки.

Часы на приборной панели показали двадцать семь минут восьмого. Я припарковался у забора, взял фонарик и небольшой футляр с лупой. Лопату я оставил дома: хозяйка разрешила только осмотр.

За воротами пахло сеном, влажной землёй и конской шерстью. Я впервые оказался в работающем конном клубе и быстро обнаружил, что лошади живут по собственному расписанию. В одном проходе девчонка в защитном шлеме вела небольшую серую лошадь, в другом двое мужчин спорили, кому убирать рассыпанный корм. Из освещённого манежа доносились команды инструктора.

У дверей меня встретил плотный мужчина в тёмной спортивной куртке. На шее у него висел свисток, хотя голос позволял обходиться без него.

— К кому?

— К Воронцовой. Горин.

Он окинул взглядом футляр в моей руке.

— Копатель? Сейчас все вдруг стали разбираться в старине.

— А вы, надо полагать, учите лошадей разговаривать?

Мужчина впервые улыбнулся.

— Макар Зотов. За порядком здесь слежу. Проходите, только к жеребцу без меня не подходите. Бархан сегодня с характером.

— У него обычно другой?

— Обычно он сначала предупреждает.

Макар провёл меня через крытый переход к манежу. Высокие окна отражали электрический свет. Вдоль одной стены стояла невысокая зрительская площадка, возле неё толпились родители, ученики и несколько гостей. На песке работала девушка-инструктор, а большой гнедой жеребец под всадником раздражённо мотал головой.

— Это и есть Бархан? — спросил я.

— Самый дорогой заносчивый тип в нашем хозяйстве. На вечернем открытом занятии должен показать простую связку. Только шум ему сегодня не нравится. Днём рядом с клубом разгружали оборудование, всё гремело. Теперь каждый хлопок проверяет на прочность моё терпение.

Я видел, что жеребец вспотел на шее и слишком часто прядал ушами. Даже моих скромных познаний хватало понять: лучше оставить его в покое. Но инструктор успокаивала всадника, зрители переговаривались, и занятие продолжалось.

Татьяна нашлась возле ограждения. Невысокая женщина в сером пальто говорила с сотрудницей и одновременно следила за ареной. Когда я представился, она закончила разговор одним коротким жестом.

— Вы вовремя, — сказала она. — Сейчас закончат круг, потом покажу находку. В старой части корпуса вечером никого, так что помех не будет.

— Жетон у вас?

— В кабинете, под замком. В кармане с ним по двору бегать глупо.

— Разумный подход.

— Он здесь обязателен. Особенно когда вокруг столько людей, уверенных, что старое серебро само просится в чужие руки.

Она посмотрела на мою лупу и без улыбки спросила:

— Вы Фёдору давно знакомы?

— Достаточно, чтобы он покупал у меня вещи дешевле, чем хотелось бы.

— Хорошо. Значит, привыкли к отказам.

С этой женщиной торг обещал быть увлекательным. Мы подошли ближе к борту. Татьяна показала конец манежа, где за деревянным защитным ограждением располагалась служебная створка. За ней проходил узкий дворик к хозяйственным дверям. Снаружи туда можно было попасть по боковой дорожке, минуя зрительский вход.

— Стена там, за створкой, — сказала она. — Старое помещение примыкает к манежу. На прошлой неделе сотрудники задели обшивку, высыпалась штукатурка. Тогда и нашли жетон. Пока дальше не разбирали.

— И правильно сделали.

— Я ещё не решила, стоит ли вас туда пускать надолго.

Меня такая откровенность вполне устраивала. Щедрые обещания я слышал не раз. Татьяна пока предпочитала точные условия.

С противоположного края манежа раздался раздражённый стук копыта. Бархан переступал с ноги на ногу. Всадник натянул поводья, инструктор подняла руку и велела сбавить темп. В это время кто-то у зрительского борта неудачно подвинул складную металлическую стойку. Она опрокинулась с таким грохотом, что даже я дёрнулся.

Жеребец взвился почти на месте.

— Стоять! — крикнул Макар.

Бархан рванул вдоль борта. Всадник потерял стремя, вцепился в повод, потом его качнуло набок. Я успел увидеть только перекошенное от страха лицо. Через миг человек рухнул в песок, перекатился и остался лежать возле ограждения.

Лошадь неслась дальше.

Все звуки сразу стали громче. Кто-то закричал, дети у площадки шарахнулись назад. На пути Бархана оказалась незакрытая служебная створка, которую Макар только что открыл для работника. Из дворика за ней тянуло холодным воздухом. Если жеребец пройдёт там ходом, он окажется между стенами, где некому будет с ним разминуться.

Я кинулся к упавшему всаднику. Тот пытался встать и тут же осел, хватая ртом воздух.

— Лежи секунду! — бросил я.

— Там конь! — выдохнул парень.

— Вижу. Тебя зовут как?

— Кирилл.

— Кирилл, посмотри на меня. Руки двигаются? Ноги?

Он выругался и попытался оттолкнуть мою ладонь. Значит, сознание при нём. Я помог ему отползти за внутренний борт, где уже подбежала инструктор. Дольше задерживаться возле прохода было опасно: люди метались, заслоняя друг другу дорогу.

— Отведите всех от створки! — крикнул я.

Татьяна уже действовала. Она оттеснила двоих зрителей от ступеней, приказала сотруднице увести детей в холл и сама придержала створку зрительского входа, чтобы толпа не рванула обратно. Макар бежал вдоль борта наперерез жеребцу, но расстояние стремительно увеличивалось.

У служебного выхода выросла высокая фигура в тёмном длинном пальто.

Фигуру у створки я заметил только тогда, когда Бархан летел прямо к узкому проёму. Нижнюю половину незнакомца закрывали глухой деревянный борт и створка; свет из манежа бил мне в глаза, а дворик за выходом утопал в темноте. Я видел широкие плечи, поднятые руки и край полы, шевельнувшийся над ограждением.

— Назад! — заорал Макар.

Незнакомец остался на месте.

Он перехватил Бархана возле головы. Поводья натянулись, жеребец вскинул шею, копыта прорезали песок. Я приготовился услышать удар человека о стену. Вместо этого лошадь остановилась у самого проёма. Передние ноги Бархана скользнули на полшага, затем он попятился, тяжело фыркая.

Мужчина за бортом держал его так спокойно, словно удерживал за рукав непослушного приятеля. На несколько секунд между ними возникло странное равновесие: огромная живая масса, ещё дрожащая от скачки, и две руки, которые не уступали ни на ладонь.

— Тихо, — произнёс незнакомец.

Голос оказался низким, хрипловатым и удивительно ровным. Бархан вздёрнул морду, попытался вырваться ещё раз. Незнакомец коротко подался назад, не выпуская повод, и снова остановил его. Куртка натянулась на его плечах. Я не видел лица: лампа над проходом мигала, а голова мужчины оставалась почти полностью за створкой.

Макар добежал до коня, ухватил повод ближе к удилам и заговорил с ним тем особенным тоном, каким взрослые мужчины обычно успокаивают ребёнка после плохого сна.

— Всё, красавец. Всё. Ко мне. Вот так.

Я отступил, освобождая проход. Незнакомец ослабил хватку, лишь когда Макар уверенно повёл Бархана обратно. Потом фигура в тёмном пальто сместилась вглубь дворика. За высокой обшивкой исчезли плечи и руки. Слышался тяжёлый шорох шагов по земле, затем что-то глухо ударило возле наружной дорожки.

Всё произошло быстро. К моменту, когда я добрался до служебной створки, в узком дворе никого не было. В конце прохода виднелась полуоткрытая калитка, за которой начиналась дорожка вдоль ограды. Дальше поворачивали к воротам и улице. Обычный выход, которым мог воспользоваться любой посетитель.

— Эй! — позвал я. — Вы целы?

Ответа не последовало.

Мне хотелось пройти следом, но за спиной Татьяна требовала освободить проход, а Кирилл снова попытался встать. Я вернулся. Если загадочный силач захотел уйти, догонять его после такой услуги выглядело сомнительной благодарностью.

Инструктор усадила Кирилла на скамью. Парень был бледный, злой на себя и вполне способен ругаться целыми предложениями. Татьяна велела ему прекратить геройствовать и

дождаться осмотра. Занятие она закрыла, несмотря на протесты зрителей, которые мгновенно превратились в специалистов по поведению жеребцов.

— Вы видели, что он сделал? — спросил Макар, когда Бархан оказался за соседней дверью.

— Видел, — ответил я.

— Я с лошадьми полжизни. Так жеребца не держат.

— А как держат?

— Чаще всего никак, если он несётся в узкий выход.

Макар посмотрел в сторону пустого дворика. Впервые за всё время знакомства он казался растерянным.

— Кто это был? — спросил я.

— Откуда мне знать? Я у входа весь вечер, пропуска у него не видел. Может, пришёл с кем-то через боковые ворота. У нас люди после занятий туда ходят, машины обходят.

— Выход надо было закрыть.

— Надо, — коротко согласился он. — Моя ошибка.

Ссориться ему сейчас хотелось меньше всего. Он пошёл к Бархану, а я заметил, как один из зрителей у лестницы оживлённо рассказывал кому-то по телефону о случившемся. В его пересказе незнакомец уже поднял коня над землёй. Через полчаса, наверное, научит его летать.

Татьяна подошла ко мне с усталым лицом.

— Простите за этот цирк. Я обещала вам осмотр, а устроила скачки по людям.

— Кирилл как?

— Ударился, разговаривает. Мы за ним присмотрим. Бархан тоже цел. На сегодня хватит впечатлений.

Она бросила взгляд на часы, затем решительно направилась к кабинету.

— Давайте заниматься тем, ради чего приехали. Я уже отложила вам время.

В кабинете пахло кофе и кожей. На столе лежали счета, расписание занятий и несколько фотографий людей с лошадьми. Татьяна открыла небольшой ящик, достала белый конверт и вытряхнула на чистый лист бумаги овальный жетон.

Вживую он был тяжелее, чем казался на снимке. Я взял его за края и осмотрел через лупу. Серый налёт забился в неглубокий рельеф. На лицевой стороне действительно угадывалась лошадиная голова, с обратной — потёртый знак и две буквы. Край был неровным, отверстие сделано давно. Дешёвой сувенирной штамповкой вещь не выглядела.

— Похоже на старое серебро, — сказал я. — Подтвердить металл можно у Фёдора. Возраст по одному взгляду с потолка не назову. Здесь важнее, где именно он лежал.

— То есть ваша оценка пока осторожная.

— Именно за осторожность вы мне и платите. Восторженно объявлять каждую железку княжеской казной умеют бесплатно.

Татьяна забрала жетон, снова положила в конверт и заперла ящик. Никаких просьб оставить вещь мне на ночь не последовало. Она берегла семейное имущество с дисциплиной человека, который уже видел чужие жадные руки.

К старому участку стены мы прошли через внутренний коридор. Макар встретился нам у двери, попросил не задерживаться: персонал ещё успокаивал лошадей. Татьяна приказала ему проверить внешнюю калитку и отнести Кириллу его вещи. Он кивнул и пошёл, не вступая в спор.

Повреждение оказалось в самом конце манежа, там, где старая кирпичная часть пряталась за новой деревянной отделкой. В одном месте обшивка треснула, штукатурка осыпалась. Я посветил фонарём и наклонился. Кирпичи были разного оттенка, между ними темнела узкая щель. Жетон вполне мог выпасть оттуда после удара.

Пальцы сами потянулись к неровному краю. Я вовремя убрал руку. Чужая стена, чужие вещи, чужие правила.

— Дальше смотреть разрешите? — спросил я.

— Снаружи — пожалуйста. Разбирать сегодня ничего нельзя. У нас завтра весь день занятия, а эта часть помещения нужна людям.

— Тогда пока остановимся. Здесь есть участок старой кладки, который стоит проверить отдельно. Может, простая заделка после ремонта. Может, рядом осталось что-то ещё. Без вскрытия ответить нельзя.

— Если мы вообще решимся вскрывать.

— Ваше право. Я могу прийти, когда будет удобно, и заранее обсудить границы работы.

Татьяна не дала обещания. Она ещё раз осмотрела выбоину, потом попросила меня выключить фонарик.

— Выходит, сейчас вы нашли лишь повод продолжить разговор.

— И объяснение, почему жетон мог оказаться здесь. Для сегодняшнего вечера уже неплохо.

Она молча достала телефон. Через несколько секунд мой аппарат завибрировал. На экране появилось уведомление о поступлении трёх тысяч рублей.

— За осмотр, — сказала Татьяна. — Не аванс за будущую находку. Дальнейшие условия решим отдельно, если дело вообще дойдёт до поисков.

— Всё верно. Спасибо.

— И ещё. Жетон остаётся у меня. Рассказывать о нём кому попало я не собираюсь.

— Тогда попросите зрителей не пересказывать историю про человека, который остановил Бархана. Они уже добавляют подробности, которых никто не видел.

— Поздно. Половина клуба держит телефоны в руках с момента, когда упала стойка. Но разговор с любителями старого серебра я как-нибудь переживу.

На выходе к нам пристал высокий посетитель в светлом шарфе. Он назвался знакомым одного из владельцев лошадей и спросил, правда ли из старой стены достали серебряные деньги.

— Жетон, — поправила Татьяна. — Один. И он не продаётся.

— Если появится покупатель с хорошей ценой?

— Пусть сначала научится слышать слово «нет».

Мужчина с любопытством посмотрел на меня. Я представился механиком, которого позвали на платный осмотр, и на том наше знакомство закончилось. Он отошёл к воротам, уже набирая чей-то номер. Я запомнил, в какую сторону он ушёл.

Татьяна проводила меня до крыльца. На площадке перед манежем персонал заканчивал уборку, окна светились, из конюшни доносилось спокойное сопение. После недавней суматохи клуб опять выглядел нормальным местом. Люди здесь работали, спорили, заботились о животных и собирались завтра всё повторить.

— Если узнаете что-то о том человеке, скажите, — попросил я.

— Сначала сама хотела бы узнать, кто он и зачем оказался за служебной дверью.

— Он вам помог.

— Помог. Благодарность от этого никуда не денется. Но у меня на территории был посторонний, которого никто не видел на входе. Мне такое не нравится.

Я понимал её прекрасно. В моей мастерской чужак, способный голыми руками остановить машину, тоже вызвал бы вопросы. Особенно если потом ушёл без единого объяснения.

Мы попрощались. Я направился к машине мимо основной парковки, но у края ограды заметил боковую дорожку. Она уходила от служебного дворика к узкой калитке. За ней тянулся тротуар вдоль улицы. Именно этой дорогой мог пройти ночной гость.

Возле калитки дорожка пересекала влажную полосу земли. Где-то неподалёку капала вода с водостока; песок и глина потемнели, сохранив чужие следы. Я остановился и наклонился.

В грязи отпечатались два копыта.

Такие глубокие и широкие, что первое мгновение я решил: сюда вывели самого Бархана. Потом вспомнил, как Макар повёл жеребца внутрь, в сторону конюшни. Когда мы расходились, Бархан оставался там. А здесь, у внешней калитки, я не заметил ни одного следа обычной подковы.

Я присел и поднёс фонарик ближе. Передо мной были два чётких свежих отпечатка, каждый заметно больше следа обычной верховой лошади. Рядом виднелись смятые травинки. Дальше начинался асфальт, на котором не разобрал бы отпечатков и самый старательный следопыт.

Я выпрямился. Человек в тёмном пальто стоял как раз за служебной створкой, когда остановил жеребца. Оттуда можно было пройти к этой калитке, дальше — на улицу. Никакого таинственного исчезновения не требовалось. Остался вопрос, откуда взялись копыта такого размера.

Сфотографировал оба следа и спрятал телефон. Времени ночью разглядывать чужую грязь у меня было достаточно, здравого смысла — пока меньше.

Зазвонила Марина.

— Ты где? — спросила она. — Семён уже устроил дома собрание по поводу твоего отсутствия. Требует объяснений и нормального ужина.

— На окраине. Осматривал серебряный жетон в конном клубе. Деньги за работу получил.

— И почему я слышу у тебя голос человека, который опять нашёл приключения?

Посмотрел на боковую калитку и два огромных следа в земле.

— Потому что один неизвестный голыми руками остановил взбесившегося жеребца. А потом ушёл дорогой, на которой остались копыта размером с хорошую тарелку.

Марина помолчала.

— Ты его самого видел?

— Плечи, руки, тёмное пальто. Всё остальное пряталось за бортом. Лица не разглядел.

— Следы сфотографировал?

— Да.

— Хорошо. Поезжай домой. И ничего там не вскрывай без хозяйки.

— Как будто у меня есть привычка копать чужие стены без спроса.

— Артём, тебя когда-нибудь остановит собственная биография?

— Сейчас попробую. Начну с ужина.

Она отключилась. В освещённом манеже кто-то рассмеялся, затем задвинулась тяжёлая створка. Татьяна убрала жетон под замок. А человек, который приходил за ним, уже мог быть в другом конце города.

Телефон ещё показывал перевод за осмотр — ровно три тысячи рублей, как и договаривались. Дополнительных денег пока не было, прав на стену тоже. Зато появились две фотографии, которые я никак не мог объяснить.

На перекрёстке я поймал зелёный сигнал. В зеркале заднего вида погасла вывеска клуба. С противоположной стороны к ограде свернул тёмный седан. Номер скрыла встречная машина. Я запомнил цвет и направление, прежде чем поток унёс меня дальше.

Глава 2. Человек у ограды

На следующий день я собрался закрыть мастерскую вовремя. Даже ужин оставил в холодильнике: Семён терпеть не мог ночных возвращений с песком в ботинках. После поездки в «Берёзовую гриву» шансы исполнить этот план выглядели сомнительно.

В мастерской стоял запах свежего масла. Я выгонял из бокса небольшой фургон, когда позвонила Татьяна Воронцова. Она говорила быстро, перескакивая через приветствия.

— Артём, помните высокого посетителя в светлом шарфе? Вчера спрашивал про жетон.

— Того, которому вы предложили научиться слышать слово «нет»?

— Именно. Оказалось, для некоторых это сложная наука. У ворот стоит человек по имени Глеб Устинов. Утверждает, что ему рассказали о серебре. Хочет купить жетон и заодно осмотреть старый корпус.

— То, что вчера. Теперь он объявил, будто вы ввели меня в заблуждение с ценой. Ваш Фёдор вообще рекомендовал специалиста или человека для развода доверчивых женщин?

— За осмотр я уже получил три тысячи. Если кому-то не нравится цена чужого «нет», пусть предъявляет претензии собственному отражению.

— За жетон и за право войти он назвал разные суммы, — ответила Татьяна. — Мне нужен свидетель при отказе. Без самодеятельности.

До конца смены оставался один заказ. Клиент перенёс получение машины на утро, и я взглянул на часы. За окном ещё было светло. Значит, если поспешить, успею застать Устинова с тем лицом, которое обычно бывает у людей, считающих чужую собственность временным недоразумением.

— Приеду после закрытия мастерской, — сказал я. — Только сразу предупреждаю: с лупой и мешком для денег не появлюсь. Договор о поисках у нас отсутствует.

— Я его и не предлагаю. Клуб сегодня занят до вечера, стену трогать нельзя. Мне нужен человек, который вчера держал жетон в руках и умеет слушать, когда называют цену.

— Прекрасно. Наконец-то работа, где от меня требуется одна способность.

— С разговорами тоже осторожнее, Горин.

Она отключилась. Меня тревожила щель в старой кладке: человек, который жетона даже не держал, уже предлагал деньги за дверь к ней. Кто-то успел рассказать ему больше, чем было на фотографии.

На верстаке лежал телефон. Я открыл вчерашние фотографии копыт. Два широких отпечатка в грязи за боковой калиткой. За ночь я так и не придумал, кому они могли принадлежать. Марина, просмотрев снимки за завтраком, предложила для начала перестать искать в каждом незнакомце родственника нечисти. Потом сама увеличила фотографию и долго молчала.

За стеной стукнуло трижды. Я поднял голову: в боксе, кроме меня, никого. Ящик с инструментами был закрыт, но изнутри по дереву прошёл сухой сердитый скрежет. Семён находился в своей мастерской и мог вмешаться здесь. В клубе мне предстояло разбираться самому. Я погасил экран телефона и ещё раз вспомнил, кто вчера проходил через порог.

— Третьи сутки таскаешь чужую грязь на порог. Мне теперь гостей по запаху встречать?

— Это рабочая мастерская. Здесь люди иногда пачкаются.

— Люди — да. А тот вчерашний всё оглядывался, где у тебя дверь за спиной. Я три раза стукнул, пока ты рассматривал подкову.

От чужого ботинка на коврике осталась тёмная полоса. Семён стучал трижды, пока я рассматривал копыта на снимке, а посетитель изучал выходы из моей мастерской. Я перевернул телефон экраном вниз: фотографии чужих находок больше не стану показывать кому попало.

— Про чужой клад не спрашивай, — добавил он. — В нём я не жил. И дверь в твоём клубе двигать не стану. За порогом у вас свои беды.

— Хоть кто-то соблюдает границы полномочий, — сказал я.

— Тебе бы научиться.

Я закрыл ящик. Вечер уже обещал неприятности, а на этот раз в них не собирался участвовать ни один из моих домашних помощников.

Я убрал телефон. Старая кладка ждала своей очереди, а за клубными воротами уже торговались за право до неё добраться.

К клубу я подъехал во второй половине дня. Низкое солнце ещё освещало верхушки деревьев, площадка перед оградой была заполнена машинами. Вчерашний вечер с его суматохой превратился в расписание занятий, детские голоса и запах тёплого хлеба из маленького киоска у остановки. Только у ворот стояли трое мужчин, совершенно не похожих на родителей юных всадников.

Один держался чуть впереди. Пальто на нём сидело безупречно, тёмные волосы были аккуратно зачёсаны назад. Такой мужчина мог бы продавать дорогие часы или чужие долги с одинаково любезной улыбкой. Двое других смотрели на проходящих людей с деловитым недовольством.

Макар Зотов встретил меня за калиткой.

— Татьяна ждёт, — сообщил он. — Только не заставляйте меня сегодня бегать за кем-нибудь ещё. Бархан уже здоров, а вот у Кирилла настроение хуже обычного.

— Как он?

— Дома. Врач велел дать себе отдых. Считает, что жеребец нарочно выбрал именно его.

— Передайте, пусть с конём обсудит это потом.

Макар невесело усмехнулся и посмотрел на мужчин у забора.

— Утром приходили двое, всё про жетон расспрашивали. Я отправил к хозяйке. А этот ближе к обеду явился с деловым предложением. До сих пор ждёт.

— Вы его знаете?

— Глеб Устинов. Торгует старьём, с владельцами помещений любит разговаривать. Такому скажи, что дверь закрыта, — спросит, сколько стоит ручка.

— Вчерашний человек в пальто больше не появлялся?

— Если бы появился, я бы заметил. — Макар помолчал. — Хотя прошлый раз тоже не заметил.

Татьяна вышла из административного корпуса сама. Сегодня на ней была тёмная куртка, волосы собраны, лицо усталое. Она сразу повернула к воротам.

— Устинов, — позвала она. — Можете повторить своё предложение при Горине. Только без разговоров про мою наивность.

Мужчина в пальто повернулся. Он увидел меня, на секунду задержал взгляд на руках и сделал несколько шагов навстречу.

— Глеб Андреевич Устинов. Вы, полагаю, тот самый копатель?

— Артём Горин. Вчера осматривал находку. Если вам нужны рекомендации, спросите у Татьяны, довольна ли она работой.

— Разумеется. Я тут ради честной сделки. Старые вещи могут стоить больше, чем кажется владельцу. Порой намного больше.

— Тогда почему не обратиться к антиквару? — спросила Татьяна.

— Обратился бы, если бы вещь лежала на прилавке. А она у вас. Я предлагаю за жетон двадцать тысяч рублей. Сегодня. Переводом либо наличными.

Он произнёс сумму так, будто для любого нормального человека разговор обязан был закончиться прямо здесь. Татьяна даже не пошевелилась.

— Я уже сказала: жетон не продаю.

— Тогда обсудим сам корпус. За право осмотреть старую часть заплачу пятьдесят тысяч. Моих специалистов хватит на час. Если найдём что-нибудь ценное, распределение согласуем дополнительно.

Я хмыкнул.

— Вы умеете договариваться о второй части после того, как получили первую?

— Горин, я разговариваю с хозяйкой.

— И предлагаете пустить чужих людей в рабочее помещение без перечня того, что они намерены делать. При этом даже не знаете, есть ли в стене что-то ещё.

— Мне показали фотографию повреждённой кладки. В подобных зданиях старые владельцы любили оставлять небольшие тайники. Я привык действовать быстрее остальных.

Он явно знал, что штукатурка осыпалась у старого корпуса. Вчера я видел, как посетитель в светлом шарфе уходил от нас с телефоном. Этого хватало, чтобы сведения разошлись по городу. Само место возможного тайника Устинов не называл, да и знать пока не мог.

— Быстрота хороша, когда знаешь, куда идёшь, — сказал я. — Здесь потребуется отдельное согласие Татьяны даже для осмотра. Вы ведь слышали её ответ.

— А у вас, молодой человек, согласие имеется?

— На вчерашний осмотр. На сегодняшний разговор. Всё.

Татьяна скрестила руки.

— Пока занятия идут, никто ничего не вскрывает. Жетон у меня. Вашим людям доступа не будет.

Глеб Андреевич перевёл взгляд на двери манежа. За стеклом проходили две девочки в шлемах, сотрудница несла свёрнутую попону. Живая работа раздражала его сильнее отказа.

— Люди любят спокойные занятия, — произнёс он, глядя на проходивших детей. — Полагаю, у вас с этим скоро возникнут трудности.

— Мой способ. Территория тоже моя. Разговор закончен.

Устинов расправил рукав, словно мы обсуждали невежливого официанта.

— Завтра родители снова спросят, отчего у ворот чужие мужчины и почему дети боятся заходить, — сказал он. — Надеюсь, у вас найдётся ответ.

Он не поднял голос. От этого сказанное прозвучало хуже обычной угрозы.

Татьяна бросила мне короткий взгляд. Я успел увидеть, как за спиной Устинова один из помощников направился к парковке. Второй остался возле проезда, где машины выезжали на улицу.

— Воронцова, вы слышали? — спросил я.

— Слышала. Макар, попросите родителей не задерживаться у ворот. Я сейчас подойду.

Она не дождалась моего совета и пошла к припаркованным машинам. Устинов придержал ей калитку с чрезмерной учтивостью. Я двинулся следом, а он тихо сказал мне в спину:

— Вы могли бы заработать гораздо больше, если бы меньше беспокоились о чужих стенах.

— Пока я неплохо зарабатываю на собственных руках.

— Рукам иногда не везёт.

Я обернулся, но он уже улыбался проходившей мимо пожилой женщине. Угроза осталась висеть в воздухе, как запах бензина возле открытой канистры.

На парковке женщина пыталась посадить ребёнка в машину. Возле пассажирской двери стоял один из людей Устинова, высокий, в короткой серой куртке. Он перегородил проход и беззаботно рассматривал телефон.

— Молодой человек, отойдите, — попросила женщина.

— Сейчас, — ответил тот, не двигаясь.

Мальчик с красной спортивной сумкой переминался рядом. Второй помощник Устинова остановил выезжающую машину, наклонился к водительскому окну и что-то принялся доказывать. Водитель возмутился. На узкой площадке зазвучали клаксоны.

Обычная парковка быстро превратилась в тесный коридор из открытых дверей, раздражённых взрослых и детей, которым хотелось домой. Двери оставались целыми, но пройти между машинами без их согласия становилось всё труднее.

Из ворот вышли две ученицы с сумками и сразу остановились, увидев затор. Девчонки оглядывались на родителей, оставшихся у дальнего ряда машин. Татьяна перехватила их прежде, чем они пошли через перепалку, и отправила обратно к крыльцу. Сотруднице, которая выбежала следом, велела собрать там остальных детей и проводить к автомобилям только после освобождения выезда. Потом сама шагнула к человеку у пассажирской двери.

Устинов мог и не знать фамилий всех посетителей. Ему хватало пары недовольных родителей, чтобы вечером в городских чатах появились сообщения о драках возле «Берёзовой гривы». Я видел, как Татьяна оценивает ущерб без бухгалтерии: одна напуганная семья в машине, другая стоит у ворот, третья уже снимает происходящее на телефон. Своё хозяйство она защищала гораздо упорнее, чем спорила о старине.

— Пропустите людей, — сказала Татьяна высокому.

Тот медленно поднял голову.

— Я кому-то мешаю?

— Да, — ответил я и остановился с другой стороны машины. — Женщине, ребёнку и ещё нескольким людям, которые собираются уехать.

— Вот пусть и едут.

Он улыбнулся мальчику. Улыбка получилась такой, что ребёнок отступил за материнскую куртку.

— Отойди от двери, — повторил я.

— А если нет?

У меня было достаточно опыта, чтобы распознать человека, которому за подобный вопрос уже обещали доплату. Я видел краем глаза, как второй помощник перестал спорить с водителем и двинулся ближе. Устинов остался у ограды. Наблюдал.

— Тогда станешь гулять в другом месте, — сказал я.

Высокий двинулся на меня, перекрыв женщине дверцу машины. Я отвёл его руку в сторону от ребёнка и попятился между двумя бамперами. Мужчина развернулся следом; короткий удар пришёлся под рёбра. Мне удалось удержать его вдали от открытой пассажирской двери, но из толпы уже приближался второй.

— Садитесь за руль, — бросил я ей.

Я ухватился за дверную раму, не позволяя высокому прижать меня к мальчику. Воздуха после удара не хватало; женщине наконец удалось усадить ребёнка в автомобиль.

Второй мужчина заступил мне путь к выходу. Я попытался обойти его у багажника и получил локтем по предплечью. Теперь они держали меня между припаркованными машинами, а не у ребёнка. Ради этого я и отступал.

— Хватит! — резко приказала Татьяна. — Немедленно прекратите!

Скупщик наблюдал со стороны, не двигаясь. Татьяна направила людей через открытую калитку. Я уже прикидывал, выдержит ли автомобильная дверь ещё один толчок, когда передо мной остановился высокий незнакомец в тёмном пальто.

Человека, остановившего драку, я заметил лишь тогда, когда тот оказался между припаркованными машинами. Он не выкрикнул приказа. Шагнул к нападавшим так уверенно, что они сами отступили от матери с ребёнком. Я вспомнил громадные копытные следы у клубной калитки и задержал взгляд на его ботинках. На чистом асфальте следов, конечно, не осталось.

Незнакомец выглядел старше меня, с сухим лицом, прямой спиной и седыми волосами у висков. Вчера за деревянным бортом мне достались только плечи, рука и голос. Теперь передо мной стоял обычный пожилой мужчина, слишком спокойный для драки возле машин.

Он не бросился на двух здоровенных противников. Просто взял поднятое запястье второго помощника, повернул его в сторону и заставил того сделать шаг мимо меня. Одновременно плечом раздвинул нас с высоким. Движение было коротким и точным; силу он приложил ровно там, где человек сам потерял опору.

— Довольно, — сказал незнакомец.

От этого голоса у меня неприятно похолодело между лопатками. Низкий, чуть хриплый. Таким же спокойным тоном вчера у служебной створки приказали жеребцу стоять.

Высокий попробовал дёрнуться. Незнакомец отпустил второго помощника и повернул к первому голову.

— Ты уже услышал.

Тот замер. Тяжёлое дыхание незнакомца я заметил только теперь: после нескольких быстрых движений он чуть задержал вдох, словно усилие оказалось для него ощутимым. Нападавшие отступили, будто наткнулись на человека, который заранее знал каждый их шаг. И всё же я помнил Бархана.

— Вы вчера были в манеже? — спросил я.

Человек посмотрел на меня, потом на открытую дверь, куда женщина наконец усадила ребёнка. Отвечать он не стал.

Устинов услышал вопрос. Его лицо впервые изменилось.

— Вчера? — переспросил он. — Это тот самый господин, о котором столько рассказывают?

— Глеб Андреевич, — сказала Татьяна, — уберите своих людей. Все ваши предложения отклонены.

Незнакомец повернулся к Устинову.

— Уберите их, — повторил он. — Здесь им делать нечего.

Глеб Андреевич окинул его взглядом. Я видел, как он задержался на прямой спине, руке, которой тот остановил удар, и лице. По лицу Устинова нельзя было понять, верит ли он слухам о вчерашнем жеребце. Зато интерес в нём появился вполне настоящий.

— Господа, в машину, — сказал он своим помощникам.

— Но он сам начал… — проговорил высокий.

— В машину.

Устинов увёл людей к машине. У калитки на мокрой земле лежал глубокий отпечаток, гораздо крупнее следа обычного ботинка. Я заметил его, пока незнакомец ждал, чтобы Татьяна закончила выводить посетителей. Я помог Татьяне успокоить испуганных детей.

— Благодарю за вмешательство, — произнесла она незнакомцу. — Но я хочу знать, кто проходит на мою территорию через служебные входы.

— Сегодня я вошёл через открытую калитку, — ответил тот.

Ответ прозвучал спокойно. В нём отсутствовало объяснение вчерашнего вечера. Человек чуть склонил голову и направился к выходу пешком, по той самой дорожке, откуда появился.

Я сделал шаг за ним.

— Подождите. Вчера у боковой калитки остались следы…

— Горин! — Голос Татьяны заставил меня обернуться. — На сегодня хватит. Все за ограду. И вы тоже. Поговорим тогда, когда здесь снова можно будет спокойно выпускать детей после занятий.

Я замер. Хозяйка не пыталась выбрать любимого участника драки. Она ставила границу всем, кто превратил её парковку в арену. Даже человеку, которого сама пригласила.

— Понял, — сказал я.

Когда повернулся обратно, незнакомец уже миновал проход между двумя машинами и вышел на тротуар. Он шёл обычным шагом, без спешки, держась чуть прямее остальных прохожих. У ворот он оглянулся на старый манеж. Этот взгляд я запомнил лучше, чем его ответы.

Скупщик сел в машину, и автомобиль покинул площадку. Татьяна унесла серебро в свой кабинет. Возле манежа по-прежнему оставались копытные следы, которым не находилось места в клубном расписании.

Макар вышел из ворот, держа в руках забытый кем-то детский шлем.

— Хозяйка велела больше никого из этих людей не пускать, — сказал он. — Даже если приедут с цветами и праздничным тортом.

— А меня?

— Вам велела пока не возвращаться. И не рассчитывать на осмотр стены завтра. Занятия никто отменять не станет.

— У вас сегодня весьма гостеприимный день.

— У нас вчера был лучше. Там хотя бы конь виноват.

Посмотрел на закрывающуюся калитку. Макар стоял усталый, злой, с детским шлемом в руках. Вчера он признал свою ошибку со служебной створкой. Сегодня ему предстояло смотреть, чтобы в клуб не пролезли вполне обычные люди с неприятными намерениями. О том, как он справится, можно было только гадать.

— Передайте Татьяне, что за сегодняшний разговор я денег не беру, — сказал я. — Если решит обсуждать поиск, пусть сама позвонит. Жетон лучше хранить там же, где был.

— Передам.

У машины я задержался, дожидаясь свободного выезда. Рёбра ныли при каждом вдохе. Умение вовремя пропустить чужого ребёнка стоило мне синяка, зато он уехал с матерью, а не с воспоминанием о кулаках возле дверцы.

Позвонила Марина. Я ответил с первого гудка.

— Ты обещал обычную работу, — сказала она вместо приветствия.

— Обычная закончилась. Теперь у нас есть Глеб Устинов, скупщик редкостей. Хотел купить серебряный жетон и заплатить за доступ к чужому корпусу. Получил отказ и устроил драку на парковке.

— Ты цел?

— Домой доеду. Ссадин меньше, чем у гордости одного из его помощников.

— Артём, без выступлений. Что с ночным незнакомцем?

— Появился среди дня. Мужчина в возрасте, обычного роста. Развёл нас коротким движением, приказал прекратить. Голос тот же, что вчера у Бархана. Лица в манеже я не видел, так что уверенность пока только по голосу.

Марина помолчала, и я услышал, как у неё щёлкнула защёлка двери.

— Устинов тоже это понял?

— Он услышал мой вопрос и очень заинтересовался. Теперь серебро у него будет не единственной причиной возвращаться.

— Не ходи туда один, если позовут снова.

— Пока хозяйка вообще запретила мне вход. Достаточно убедительно.

— Иногда она производит впечатление разумного человека.

— Согласен. Именно поэтому жетон останется у неё, а мы с тобой сегодня поужинаем дома.

— Договорились. И не пытайся по дороге искать того человека.

Я посмотрел в боковое зеркало. На тротуаре обычным шагом шли прохожие, между ними мелькали куртки, сумки, светлые шарфы. Тёмного пальто уже не было видно.

— Я его и не ищу. У нас теперь другая проблема: Устинов знает ворота и расписание. А Татьяна знает, что ему нельзя доверять. Надо выяснить, кто дежурит у служебного входа после закрытия.

Разговор закончился. Я убрал телефон, вышел из машины и пропустил женщину с коляской к воротам. За оградой «Берёзовой гривы» снова двигались лошади, родители подзывали детей, Макар закрывал проход. Со стороны всё выглядело так, будто клуб уже оправился от неприятности.

У калитки я спросил Макара, кто открывал служебную дверь после закрытия. Он слишком быстро ответил, что ничего подозрительного не видел. Зато на связке у него не оказалось ключа, которым он прежде пользовался при мне. Макар спрятал руку в карман, сославшись на хозяйку. Я попросил Татьяну лично сверить ключи с журналом дежурств. Вчера мы спорили с Устиновым у ворот; сегодня кто-то уже распоряжался входом изнутри.

Глава 3. Дневной разговор

После вчерашнего нападения Татьяна запретила мне появляться в «Берёзовой гриве». В разбитом помещении остались напуганные сотрудники; хозяйке хватало забот и без моего вмешательства. Устинов знал моё имя, я — его методы. Я положил ключи от машины на кухонный стол и сел.

Марина разложила фотографии у чашки с чаем. Семён забрался на подоконник, подвинул к ней листок с нарисованным конским следом и захлопнул ставню перед самым моим носом. Разговор о чужих копытах домовой разрешал вести только на собственной кухне.

На снимках со двора отпечатки копыт уходили к калитке, которой лошадей не водили. Марина увеличила фотографию, показала мне сухую полосу рядом с мокрой землёй и промолчала. Я записал, с какой стороны искать продолжение следа: догадки могли подождать.

— В клуб сегодня без приглашения не лезь, — сказала Марина. — И не назначай ночному гостю способностей, которых ты не видел.

Семён подвинул мою чашку к краю стола. Я потянулся за полотенцем, и кухонная дверь вдруг открылась прямо в кладовую. Марина убрала ботинки с прохода; стоило ей закрыть створку, как на месте кладовой вновь оказалась кухня. Домовой закончил своё представление, а я перестал считать чужие двери безобидными. В клубе никакой Семён не откроет мне запасной выход. Об этом придётся договориться с Татьяной заранее.

Фёдор интересовался состоянием Татьяны. Я ответил, что Татьяна не просила посредников, и отложил телефон. Марина собиралась поговорить с инструктором из манежа; мне предстояло сперва получить разрешение войти на территорию.

Телефон зазвонил, когда я доедал завтрак. На экране высветилась Татьяна.

— Горин, приезжайте к десяти, — сказала Татьяна. — Приглашаю сама. Хочу поговорить с человеком в тёмном пальто при свидетеле. Без поисков и без платы за приезд. Разговор состоится внутри конторы, а не у ворот.

Я согласился. На заднем плане кто-то звал инструкторов, звякнула тяжёлая створка: хозяйка продолжала работать, пока мы решали, когда ей позволить заняться собственными делами.

— И Артём, — добавила она, — вчерашние кулаки сегодня оставьте при себе.

— Сохраню их для рукопожатий. Если заслужат.

Связь оборвалась. Марина ждала, пока я уберу телефон.

— Снова обычная работа?

— Татьяна сама пригласила меня на разговор. В стену сегодня не полезу.

— Тогда возвращайся с ответами, — сказала Марина. — И не пытайся произвести впечатление на женщину, которая уже видела тебя в драке.

Марина уже договорилась с инструктором о встрече. Я проверил фотографии и убрал телефон: без разрешения Татьяны след за калиткой оставался для меня чужой землёй.

Перед поездкой я заехал в мастерскую, предупредил соседа по боксу, что выйду ненадолго, и отправился к окраине. По пути купил кофе, горький и крепкий. На этот раз меня занимали двери клуба: чья рука их открывает, кто отдаёт приказ и где за обычным деревом начинается чужая территория.

У «Берёзовой гривы» было непривычно спокойно. Родители подвозили детей, по двору вели невысокого гнедого мерина, из открытого окна конторы доносился голос инструктора, обсуждавшего завтрашнюю тренировку. Занятия продолжались, хотя вчера здесь едва не случилась беда.

Макар встретил меня возле пешеходной калитки. Под глазами у него лежали тёмные круги, на рукаве виднелась подсохшая полоска грязи.

— Вас ждут, — сказал он. — Только по территории не гуляйте. Татьяна сегодня с утра пересчитала всех, кто имеет право открывать старую часть.

— И тебя?

— Особенно меня. После вчерашнего любой чужой у входа — моя головная боль.

— Что с Кириллом?

— Выздоравливает. Передал, что к Бархану вернётся, когда перестанет слышать топот во сне. — Макар покосился на манеж. — Зато сам жеребец ест за троих и ведёт себя как владелец заведения.

Посмотрел на широкие ворота, потом на маленькую дверь рядом. Макара тревожила маленькая дверь: он следил за ней, даже когда отвечал мне.

— Посторонние не приходили? — спросил я.

— Вчера вечером какой-то человек остановился на улице, разглядывал старый корпус. На вопрос, чего ищет, сказал: дорогу. Потом ушёл.

— Ты его знаешь?

— Нет. И сегодня пока никого не видел.

За окном административного корпуса мелькнула Татьяна. Она жестом позвала нас внутрь. По пути я отметил, что возле дверей манежа висит объявление о занятиях, а у стойки лежит журнал записи. Никто не превращал клуб в крепость. Здесь просто пытались вновь провести нормальное утро.

Татьяна встретила нас в небольшой комнате с видом на конюшенный двор. На столе лежали расписание занятий, ручка и плотный бумажный конверт. До стола я не дотрагивался.

Татьяна положила передо мной телефон. На записи из вчерашнего манежа дети метнулись от ворот, а инструктор успела закрыть перед ними калитку. Потом в кадр вбежали чужие мужчины. Хозяйка выключила запись раньше, чем прозвучали крики.

Татьяна показала два отказа от занятий. На видеозаписи дети шарахались от ворот, и я предложил ей провести следующую группу по внутреннему проходу. Она тут же вызвала Макара.

Из окна было видно, как Макар встречает детей у нового входа. Одна девочка перестала цепляться за мать и пошла к инструктору сама. Татьяна выключила запись. Это была первая полезная перемена за утро.

Я увидел, как девочка за окном крепче взялась за руку матери. Хозяйка проводила их взглядом, вернулась к столу и лишь тогда спросила о незнакомце.

— Почему решили, что незнакомец придёт? — спросил я.

— Не решила. Но вчера он дважды оказался рядом, когда в клубе происходила неприятность. В первый раз ушёл молча, во второй отказался назвать себя. Мне надоело спрашивать у пустого места.

— Может, он вообще к серебру не имеет отношения.

— Тогда пусть объяснит, зачем ходит вокруг моего манежа.

В коридоре послышались шаги. Сначала я решил, что это сотрудница принесла бумаги. Но Макар, оставшийся у двери, выпрямился и отступил в сторону.

— Татьяна, — произнёс он, — к вам человек. Говорит, вы его вспомните.

За ним стоял незнакомец в тёмном пальто.

При дневном свете он выглядел старше, чем на вчерашней парковке. На висках серебрились короткие волосы, кожа у уголков глаз собиралась тонкими складками. Тёмный костюм сидел безупречно. В руках он ничего не держал. Ни сумки, ни трости. Только перчатки, сложенные одна в другую.

— Можно? — спросил он.

Татьяна не спешила приглашать.

— Сначала назовитесь.

— Пока прошу позволения поговорить.

— Я разговариваю с людьми, которые хотя бы объясняют, зачем пришли.

— Вы хотите узнать, что я ищу. Я готов сказать.

Незнакомец произнёс последние слова тем самым низким голосом, который я слышал возле манежа и на парковке. Татьяна медленно отодвинула стул.

— Это вы остановили Бархана, — сказала она.

— Он был напуган.

— Вы могли погибнуть.

— Мог.

— И после этого просто ушли?

— Дверь была открыта. Я вышел.

Макар с недоверием посмотрел на меня. Я тоже не находил ответа настолько исчерпывающим, чтобы его хотелось занести в клубные правила.

— Проходите, — сказала Татьяна. — Макар, останьтесь поблизости. Дверь не закрывайте.

Незнакомец вошёл и выбрал место у окна. В комнате имелся свободный стул возле шкафа, однако тот явно пришёлся ему не по вкусу. Он остановился так, чтобы видеть двор и дверь одновременно.

— Я ищу старый подарок, — сказал он.

Татьяна нахмурилась.

— Какой ещё подарок?

— Вещь, которую когда-то отдали человеку из вашего дома. По доброй воле. Она должна была остаться у того, кто получил её, а затем у его близких.

— У нас здесь клуб, — ответила хозяйка. — И имущество моей семьи. Посторонним его не выдаю. Назовите вещь и человека, которому её подарили.

Незнакомец поглядел на конверт. Мне не понравилось, как точно он отметил его среди прочего на столе. Но конверт лежал на виду, а Татьяна сама придвинула его к краю, когда мы вошли. Никакого чуда в таком взгляде не было.

— Имя я помню, — сказал гость. — Произносить его при посторонних не стану.

— Значит, доверия вы не заслужили, — отрезала Татьяна. — Это мой дом и мой работник. Господин Горин приглашён мной. Либо говорите предметно, либо разговор закончен.

— Вы умеете защищать своё, — заметил незнакомец. — Это хорошо.

— Похвала мне сейчас не нужна.

Он чуть склонил голову. Вежливость у него выходила такой старой закалки, что хотелось проверить, не пришёл ли он сюда с другой улицы и другого века. Только дорогие ботинки и современная застёжка пальто возвращали его в наше утро.

— Мне достаточно знать, что подарок сохранился, — продолжил гость. — Если вы готовы вернуть его добровольно, мы договоримся. Если нет, я буду искать дальше.

— Где искать этот подарок? — спросил я. — Манеж, конюшня, старый дом?

— Я знаю семью, — ответил гость. — Место не назову, потому что не знаю.

Татьяна сразу положила ладонь на конверт. — Тогда к стенам никто не прикасается без моего разрешения. Горин, вас это тоже касается.

— Меня даже больше. У меня дурная репутация человека, которому всегда интересны стены.

Гость не улыбнулся. Он внимательно следил за пальцами Татьяны, не делая ни шага к столу. Мне впервые показалось, что чужая вещь для него важнее возможности напугать нас.

Татьяна взяла конверт со стола.

— Вы про эту вещь? — спросила она.

Она вынула потемневший серебряный жетон и положила его на чистый лист бумаги. Я узнал стёртый конский профиль и отверстие у края. Жетон не стал красивее за прошедшую ночь. Блики на нём были обычными, от света из окна.

Гость подошёл на шаг ближе. Руками к находке не потянулся. Он посмотрел сначала на лицевую сторону, затем на ребро, где темнела маленькая выбоина.

— Нет, — произнёс он.

Татьяна спрятала жетон в конверт. — Тогда назовите хоть что-нибудь, что мне позволит вас проверить.

— Мне известно, кому она была дана. Ваша семья сохранила этот дом дольше, чем я ожидал.

— Мой клуб пережил несколько поколений нашей семьи, — сказала Татьяна. — У вещей здесь своя история. Вы называете только себя.

Гость на мгновение улыбнулся, но глаза остались неподвижными. На раскрытом конверте лежала тонкая полоска старой пыли; он смотрел мимо жетона, словно давно знал, что это не искомая вещь.

Я смотрел на жетон. Он лежал открыто, ничем не защищённый, и гость при желании мог схватить его раньше, чем я встал бы со стула. Но этого не делал. Может, ему и правда нужен был иной предмет. А может, он проверял, какие семейные ценности хозяйка покажет незнакомому человеку по первому требованию.

Татьяна убрала жетон обратно в конверт. Бумага сухо зашуршала.

— Старые вещи у нас хранятся по-разному, — сказала она. — И я не дам вам копаться в них ради рассказа без имён. У вас есть доказательство, что подарок принадлежит именно вам?

— Я его отдавал.

— Я могу сказать то же самое о любом предмете в этом помещении. Доказательством это не станет.

— Понимаю.

Он не возразил. В комнате установилась пауза. Снаружи прошла женщина с рулоном попоны, за ней потянулся негромкий разговор работников. За стеной продолжалась обычная клубная смена.

— Вчера один покупатель уже собирался распоряжаться вашей находкой, — сказал я. — Сегодня он знает о вас и о старом корпусе. Будьте осторожнее.

— Я видел этого человека, — ответил гость.

Татьяна предложила гостю помочь с безопасностью. Он отказал. Пока они говорили, она перевела занятия в другой двор и оставила служебную калитку под наблюдением Макара: хозяйка рассчитывала на собственных людей, не на щедрость загадочного прохожего.

— Если медальон купит скупщик, что вы предпримете? — спросил я.

— Подаренное нельзя присваивать силой. Человек, который забывает это, сам выбирает последствия.

Вместо дальнейшего спора Татьяна вызвала Макара и велела проводить детей через внутренний двор, пока снаружи не закончились чужие переговоры. Макар открыл боковой проход. Незнакомец проследил за ним взглядом, а я наконец понял: он пришёл за старой вещью и не обещал быть нашим союзником.

— Тогда предупредите хозяйку прежде, чем решите кого-нибудь наказать, — сказал я. — У нас здесь слишком много случайных свидетелей.

— Вам лучше следить за тем, к каким вещам прикасаетесь, Горин, — произнёс гость.

Я указал на широкий след у калитки. — По какой дорожке вы ушли вчера? Через главный вход вас никто не видел.

Татьяна тихо стукнула пальцами по столу.

— Помощь я ценю, — сказала Татьяна. — Но сотрудники должны знать, кого выпускают через ворота. Как к вам обращаться?

— Пока обойдёмся без имени.

Из коридора донёсся глухой стук. Макар, разговаривая с инструктором, пытался отодвинуть широкую деревянную скамью от прохода к конторе. Вчера возле входа её придвинули, чтобы дети не выходили на парковку во время ссоры. Теперь она мешала доставлять инвентарь.

Татьяна шагнула к двери.

— Макар, оставьте, я помогу.

— Сам справлюсь. Только тут вдвоём удобнее.

Незнакомец первым подошёл к скамье. Он положил ладонь на спинку, упёрся плечом и попытался сдвинуть её в сторону. Скамья дрогнула, но осталась почти на месте. Гость напрягся снова, лицо его потемнело от усилия. Макар взялся за другой край, и только тогда они освободили проход.

— Тяжёлая, — сказал Макар, выпрямляясь.

— Да, — ответил незнакомец.

Под его пальцами побелели костяшки. Ночью незнакомец остановил взбесившегося жеребца; сейчас едва сдвинул тяжёлую скамью даже с помощью Макара. Я запомнил эту разницу. Сила, на которую он рассчитывал в темноте, днём ему явно не подчинялась. Не зная причины, я не собирался проверять её на людях или требовать от гостя представления.

Татьяна не стала расспрашивать гостя, отчего он так устал. Она попросила Макара отвести скамью к стене и сама проверила, смогут ли через проход пройти дети. Незнакомец наблюдал молча. Когда девочка-инструктор провела двух учеников, он отступил к окну, избегая их взглядов. Я отметил его осторожность: ночью он не отступил перед испуганным жеребцом, днём же уступил дорогу детям и тяжело опёрся на косяк. Сил у него явно было меньше, чем вчера. С чем это связано, я пока не знал.

Макар посмотрел на него с уважением, в котором теперь появилось сомнение.

— Спасибо, — сказал он. — Только зачем сами взялись? Мы бы и без вас.

— Здесь тесно, — коротко ответил гость.

Он вышел из узкого коридора во двор и остановился под светлым навесом, где места хватало троим. Казалось, ему стало легче дышать, едва стены разошлись по сторонам. Свет ложился на его седые волосы и безупречный воротник. Ни копыт, ни странных теней вокруг я не заметил.

Я шагнул следом.

— За калиткой после вашего визита остались следы. Лошади там не ходят.

Незнакомец посмотрел на глину у дорожки, затем на меня. — Значит, вы умеете смотреть туда, куда другие не смотрят.

Гость перевёл взгляд на калитку и остался у дорожки, явно ожидая решения хозяйки. Я не стал настаивать с вопросами: за нами наблюдали двое работников, а спор при них обернулся бы для клуба новым скандалом. Следы подождут до разрешения Татьяны.

Татьяна вышла к нам, держа конверт в руке.

— Послушайте, — сказала она гостю. — Я могу расспросить старших родственников о семейных вещах. Обещать находку не буду. Если хотите продолжить разговор, оставьте способ связаться с вами.

— Я приду сам.

— Без приглашения не надо. Через обычные ворота и только в рабочее время. И желательно с именем.

Незнакомец кивнул, но ничего не пообещал.

— Вы защищаете свою семью, — произнёс он. — Делайте это и дальше.

— Мне хватает забот и без наставлений.

Он поднял перчатки со скамьи, направился к калитке и прошёл через неё обычным шагом. Я видел его до самого тротуара. Там он уступил дорогу велосипедисту, свернул к остановке и затерялся за припаркованным автобусом. Я не погнался: вчера Татьяна уже получила достаточно сцен у своих ворот, а сегодня у меня имелся более полезный разговор.

— Кажется, он привык, чтобы двери открывались перед ним, — сказала Татьяна, когда калитка закрылась.

— А сегодня хотя бы спросил, — ответил я. — Для такого гостя уже достижение.

— Тогда пока не показывайте никому больше ничего из семейных вещей. Даже человеку, который знает голос Бархана лучше нас обоих.

Татьяна посмотрела на конверт, затем на манеж.

— Давайте определимся, что делать с доступом. Занятия отменять я не собираюсь. Работники должны ходить туда, где у них работа. Но старый корпус и помещение с вещами без меня открывать не будут.

— Без вашего звонка в старую часть не зайду. И Макару незнакомых гостей проводить не позволю.

— Так и будет. За вчерашнюю драку мне уже выставили счёт собственной репутацией. Пускать сюда ещё кого попало я не собираюсь.

— А Макар?

— У него конюшня и расписание. Пусть занимается ими. Он хороший работник, когда не пытается решить за весь клуб, кто куда может входить.

Макар, стоявший у двери, услышал последнюю фразу. На мгновение сжал челюсть, потом кивнул. Он стиснул зубы: лишиться привычных полномочий ему явно было неприятно.

— Скажу персоналу, — ответил Макар. — За служебной калиткой были двое. Попросили показать старые ящики, но внутрь я их не пустил.

Мы вышли к углу корпуса. За забором виднелся тёмный фургон, уходивший к остановке. Возле двери осталась влажная полоска от деревянного ящика: его недавно волокли по земле. Макар заметил мой взгляд и резко отвёл глаза.

— За чужими ящиками сюда больше не приходят по приглашению хозяев, — сказала Татьяна. — Значит, ворота пока открыты только для учеников.

Вчера Устинов предлагал деньги за вход в манеж. Сегодня его возможные люди спрашивали об амуниции. Для делового визита они выбрали странную дверь и странное время. Но кто именно их прислал, я не знал. Пока оставались только слова Макара и увиденный мной уходящий фургон.

— Никого к вещам без вас, — повторил я. — И пусть работники сразу сообщают, если кто-то снова будет спрашивать о том, чего не продают.

— Я разберусь, Горин, — сказала Татьяна. — Вы обещали мне свидетеля при разговоре. Свидетелем вы побыли. Дальше у меня работа.

Она говорила решительно и уже смотрела на расписание ближайшей группы. В её голосе не было просьбы остаться охранять двор. Я попрощался.

По дороге к машине я ещё раз оглянулся. Макар разговаривал с девушкой-инструктором возле конюшни, Татьяна несла конверт обратно в административный корпус, у дальней ограды кто-то выводил лошадь на прогулку. Клуб готовился к следующему дню.

У машины меня догнал Макар с ящиком, прежде названным пустым. Сквозь приоткрытую крышку я увидел старую сбрую и край сложенной бумаги. Татьяна не поручала ему переносить вещи. Я вернул находку хозяйке и не стал выяснять при работнике, почему тот отвёл глаза.

Татьяна забрала ящик и поставила его у себя в кабинете, не позволив Макару спорить. Я успел увидеть только кожаную петлю старого ремня да плотный край бумаги под ней. Из этих двух вещей ещё нельзя было составить историю клада. Зато теперь я понимал, что искать сле-

дует не в разговорах с покупателями, а в том, какие предметы сотрудники считали ненужными. Я попросил Татьяну не распаковывать ящик без свидетеля и поехал домой. С завтрашнего дня придётся проверять следы внимательно — и собственные догадки ещё внимательнее.

Глава 4. Копытный след

На экране телефона Татьяны — серая куртка, чёрная сумка и край служебной калитки. У одного человека под мышкой торчал длинный свёрток; на снимке его конец был обёрнут старой кожей. Я узнал похожую потёртость на сбруе из ящика Макара. Прежде чем отвечать, увеличил снимок и сравнил две детали.

Я вытер руки ветошью и проверил, что удалось разглядеть на снимке. Человек в сером походил на одного из вчерашних участников парковочной драки. Козырёк скрывал лицо, а серых курток в Кобрине хватало. Узнать человека по фотографии я бы не взялся.

«Лица не видно. Свёрток похож на содержимое вашего ящика. Ничего им не показывайте», — написал я.

Ответ пришёл сразу: «Они уже ушли. Можете приехать после шести? Хочу, чтобы вы посмотрели, кто ещё крутится возле корпуса. Внутрь без меня не ходить».

Отказывать хозяйке клуба после её утренней лекции о самостоятельности было бы невежливо. Я ответил, что заеду после смены, и вернулся к машине клиента. Шестой час я встретил с руками по локоть в привычной грязи и неприятным ощущением, что этот день собирается попросить продолжения.

По пути я позвонил Марине.

— Ты ещё на работе? — спросил я.

— Заканчиваю. По голосу слышу, что у тебя очередной вечер культурного досуга.

— У ворот опять спрашивали про старые ящики. На снимке у одного свёрток, похожий на упряжь из клуба.

— Татьяна их впустила?

— Сказала, что они ушли. Но просит посмотреть двор. Сам полезу только глазами.

— Слова хорошие. Исполнение у тебя обычно страдает.

— Можешь подъехать? Если там снова появятся любители чужих сундуков, мне пригодится человек с более здоровыми привычками.

Марина помолчала.

— Я буду у клуба примерно через четверть часа после тебя. И учти: если ты успеешь ввязаться в драку до моего приезда, я на стороне женщины, которая запретит тебе появляться там навсегда.

— Записал. В клубе, видимо, уже формируется инициативная группа.

Мы отключились. Я свернул с широкой улицы на дорогу вдоль старых частных домов. За заборами местами ещё стояли яблони, на проводах сидели вороны. К «Берёзовой гриве» я подъехал, когда из манежа выходили последние зрители дневной группы. За стеклянными дверями конторы горел свет. На дорожке две девочки спорили, чья лошадь сегодня больше упрямилась, а отец одной из них тщетно пытался заставить дочь застегнуть куртку.

Макар стоял у главного входа с планшетом в руке. Увидев мою машину, он поднял голову, потом неожиданно посмотрел на часы.

— Хозяйка разрешила, — сказал я, прежде чем он успел задать вопрос. — Приехал поговорить.

— Знаю. Она всем велела сейчас не отходить от работы. У нас вечером частное занятие, люди в проходах.

— А у служебной калитки?

— Что у неё?

— На фотографии двое. Татьяна прислала.

Макар пожал плечами.

— Ходят разные. Вы же сами утром видели. Я их обратно выпроводил.

— Значит, они заходили?

— До створки дошли. Дальше не пустил.

Он произнёс это быстро и уже отворачивался к посетителю. Я оставил его с планшетом. Вчера Макар раздражался, сегодня выглядел натянутым, будто ждал начала неприятного разговора. Одной бессонной ночи для таких перемен хватило бы. Возможно, дело вообще было в Татьяне: она лишила его прежней свободы распоряжаться старой частью клуба.

В конторе хозяйка говорила по телефону. Увидев меня, она показала свободный стул и закончила разговор коротким распоряжением перенести одну из завтрашних тренировок. На столе лежали счета, рядом стояла остывшая чашка чая. Ни малейшего сходства с дамой, которая проводит дни среди коней ради красивых фотографий.

— Вы получили снимок? — спросила она.

— Да. Подозреваю одного из вчерашних. Присягнуть не могу.

— Мне достаточно, чтобы вы предупредили, если узнаете второго. С Макаром я говорила. Он утверждает, что никого не пропускал. Но на задней дорожке нашёлся чужой окурок, хотя персонал там не курит.

— Окурок мог бросить любой прохожий.

— Вот поэтому я и не устраиваю показательную казнь. Занятия идут. Я не могу выгнать всех из здания каждый раз, когда за забором появится мужчина с сумкой.

— Разумно. Только вчера эти мужчины начинали с цены, а закончили кулаками.

Татьяна сложила бумаги.

— Сегодня у меня другая забота. В манеже появился новый скол возле старого участка стены. Бархан дёрнулся во время тренировки, конюх задел борт. Я запретила кому-либо трогать кладку. Если хотите посмотреть, пройдём вместе после занятия.

— Уже повреждённая стена всё ещё под вашим контролем. До осмотра ничего вытаскивать не собираюсь.

— Прекрасно. Я рада, что мы хотя бы в одном вопросе понимаем друг друга без драки.

В проходе за дверью послышались торопливые шаги. Молодая инструкторша заглянула внутрь.

— Татьяна Сергеевна, у амуничника двое мужчин. Сказали, что им Макар разрешил посмотреть старые ящики. Один разговаривает грубо.

Татьяна сразу встала.

— Где Макар?

— Был у служебной двери. Теперь не вижу.

— Посетителей оставьте на площадке перед конторой. Я сама разберусь с гостями.

Она пошла первой. Я последовал за ней, хотя после вчерашнего мне хотелось, чтобы хоть один конфликт в этом клубе решился словами. В коридоре пахло кожей, опилками и свежим сеном. За стеной переступали лошади, звякала упряжь. Дверь к старому помещению с вещами была закрыта, зато соседний амуничник, где хранили повседневное снаряжение, стоял настежь.

У наружной служебной створки я заметил Макара. Он держал руку возле кармана куртки. Перед ним стоял человек в сером. Тот что-то быстро сказал и протянул сложенный вдвое предмет, похожий на несколько купюр. Макар убрал руку, заметил меня и отступил в сторону. Створка осталась приоткрыта. Человек в сером уже шагал внутрь, к амуничнику. Его спутник с чёрной сумкой исчез за дверью.

Я видел лишь конец их разговора. О том, что именно передали Макару, судить не мог. Теперь оба беспрепятственно шли туда, куда Татьяна запретила им вход.

— Макар! — окликнула хозяйка. — Кто открыл проход?

— Они сказали, что у вас договорённость об осмотре. Я пошёл выяснить, — ответил он.

— Договорённости нет. Ты это прекрасно знаешь.

Она двинулась к амуничнику. Я опередил её на шаг и увидел первого чужака: тот держал открытой дверцу старого шкафа. На полу стояли брошенная спортивная сумка и деревянный ящик с потемневшими металлическими уголками. Второй разглядывал на ящике выцветший рисунок лошадиной головы.

— Закрыли шкаф и вышли, — сказала Татьяна. — Это моя собственность.

Мужчина с сумкой повернулся. Под нижней губой у него тянулся белый шрам. Я вспомнил его: вчера он стоял за Устиновым, когда тот предлагал деньги за вход.

— Мы старые вещи ищем, — сказал он. — Нам сказали, здесь всё ненужное валяется.

— Кто сказал? — спросил я.

Он узнал меня и прищурился.

— А тебя кто назначил хранителем сараев?

— Женщина, которую вы сейчас не слушаете, владеет этим местом. Она просит выйти. Для начала хватит.

— Устинов заплатит за старьё больше, чем оно стоит, — вмешался второй. — Вы же сами ищете покупателя.

— Я никого не ищу, — отрезала Татьяна. — Уходите через ту дверь, которой вошли.

Шрамированный наклонился к ящику. Он не полез к серебру в стене, не посмотрел на манеж. Всё его внимание прилипло к старому рисунку, словно за ним приехали с точным поручением. Я запомнил это и шагнул ближе.

— Руки убрал.

— Успокойся, копатель. Мы с человеком говорим.

Он толкнул ящик ногой к двери. Я поставил ногу на его пути. Ящик налетел на ботинок и остановился. Шрамированный улыбнулся, поднял руки, будто сдавался, а потом резко двинул меня плечом в грудь. Я отшатнулся к открытому шкафу. Вчерашняя боль под рёбрами отозвалась сразу.

Дальше всё пошло быстрее, чем мы успели договориться.

Второй чужак рванулся к выходу и со всей силы захлопнул створку, ведущую к конюшенному проходу. За ней кто-то вскрикнул. Лошадь ударила копытом в перегородку, другая шарахнулась, передавая страх соседке. По дереву пошёл частый тяжёлый стук. Между денниками зазвенело железо.

— Прекратите! — крикнула Татьяна. — Вы пугаете животных!

— Тогда отойдите, — бросил шрамированный.

Я перехватил его руку у локтя и развернул к стене. Он оказался крепким, с привычкой бить сразу после захвата. Кулак скользнул у моего виска, задел ухо. Я ткнул его коленом в бедро и выиграл пару шагов к проходу. На расстоянии вытянутой руки он мог достать меня снова; между нами лежал перевёрнутый ящик.

Снаружи послышался голос Макара:

— Отойдите от дверей! Я сейчас открою!

— Сначала убери своих гостей! — ответила Татьяна.

Молодая инструкторша метнулась от конюшни к группе детей у дверей манежа. Татьяна заметила её, оценила толпу и приняла решение раньше нас обоих.

— Оля, заканчивай занятие! Всех гостей через переднюю дверь. За детьми пусть идут родители. Никто не возвращается за вещами, пока я не скажу.

— Татьяна Сергеевна, Бархан…

— Бархана оставь Макару. Люди идут с тобой. Сейчас!

Она сама отодвинула загораживавшую путь стойку и встала на проходе, пока родители собирали детей. Я видел, как один мальчишка тянулся к забытой куртке, и как Татьяна спокойно остановила его за плечо и передала отцу. Спорить с ней никому не пришло в голову.

Тогда мужчина с сумкой выскочил из амуничника и метнулся в сторону заднего выхода. В руке у него что-то блеснуло. Я успел различить короткий складной нож. Он выставил его перед собой, чтобы я не подступил.

— Дорогу, — сказал он. — Из-за старого хлама резаться не будем.

— Убери нож, и выход свободен.

— Командуешь тут много.

Марина появилась в коридоре в тот момент, когда чужак с ножом перекрыл выход. Она увидела Татьяну между ним и дверью и остановилась без приветствий.

— Артём, вниз! — резко сказала она. Я пригнулся, и лезвие прошло над моим плечом.

Марина швырнула сухую золу между ножом и Татьяной. Воздух помутнел; чужак ударил лезвием в пустоту, туда, где хозяйка стояла мгновение назад. Марина привалилась к стене. Пока нападавший протирал глаза, я заслонил Татьяну и оттеснил чужака к порогу.

— Дальше без моей помощи, — выдохнула она.

Шрамированный воспользовался паузой: ухватил старый ящик за ручку и потащил к выходу. Татьяна успела прижать крышку, прежде чем изнутри выскользнула сложенная бумага. Она спрятала лист за пазуху, и теперь его пришлось бы отнимать у хозяйки лично.

— Поставил!

Она схватила ящик с другой стороны. Мужчина дёрнул сильнее, древесина хрустнула, и крышка сорвалась с одного края. Внутри оказались старые потёртые ремни, медная пряжка и свёрток бумаги, пожелтевшей от времени. Шрамированный не смотрел на пряжку. Он тянулся к бумаге, пока Татьяна удерживала край ящика.

Я заслонил проход, давая Татьяне выйти с бумагой. Чужак ударил меня в плечо, но я удержался у стены. Он выпустил ящик, когда со стороны конюшни раздался треск.

Из конюшни донёсся новый грохот — затрещала доска. Жеребец в дальнем деннике ударил по перегородке грудью. Дерево разошлось, лошадь рванулась боком, и отвалившаяся часть стойла перекрыла проход. На сломанной доске отпечаталась свежая дуга подковы, самая обычная по размеру. Я невольно вспомнил два огромных следа у боковой калитки в первую ночь: их Бархан точно не оставлял.

— Чёрт! — крикнул Макар.

Он бросился к животному. Сначала схватил свободный конец недоуздка, потом отпустил, когда Бархан шарахнулся к стене. Ему пришлось обойти коня с другой стороны. Макар знал, что делал, но на этот раз и его уверенность дала трещину.

Шрамированный бросил взгляд на открытую служебную дверь и отпустил ящик. Он толкнул меня в грудь. Я задел плечом косяк и потерял секунду. Этой секунды хватило, чтобы он выскочил во двор. Второй, уже без ножа, побежал следом.

Марина дёрнулась следом за беглецами, но оперлась о косяк. Татьяна всё ещё держала лист бумаги, за её спиной Макар выводил испуганного Бархана из повреждённого денника. Мы могли броситься в погоню за людьми с пустыми руками и оставить хозяйку с последствиями чужого набега. Я задержал Марину за локоть; она выдохнула и осталась.

— Двери закроем. За ними сегодня не пойдём.

Марина кивнула, всё ещё держась рукой за косяк. Пальцы у неё дрожали. Татьяна заметила это и впервые за вечер перестала смотреть на нас как на двух посетителей, которые в любую минуту могут уехать.

Я поднял с пола нож за сложенную рукоять и положил на дальнюю полку, подальше от детей и животных. Вслед за этим отодвинул разбитую крышку, чтобы ею никто не порезался. Остальная хозяйственная работа принадлежала людям, которые управляли клубом каждый день.

Макар наконец вывел Бархана из повреждённого денника в свободное пространство. Жеребец шёл боком, высоко поднимая голову. Он дышал тяжело, фыркал и косился на место,

где сломалась перегородка. Макар держался рядом, тихо разговаривая с ним. Без приказов, без показной смелости. На его щеке краснела свежая царапина.

— Живой? — спросила Татьяна.

— Да. Испугался до одури, — ответил он. — Стойло чинить придётся. Сегодня его сюда не поставлю.

— Поставишь туда, где он сможет спокойно стоять. За перегородку отвечу я. Остальных лошадей проверь вместе с Олей.

Макар кивнул. Я заметил, как он взглянул на открытую служебную створку, перехватил мой взгляд и поспешно отвёл глаза. Когда чужаки бежали, он пытался закрыть им дорогу, но опоздал. Откуда он заранее знал, что надо бежать именно сюда, Макар объяснять не спешил.

— Они вошли через тебя? — спросил я тихо.

— Я же сказал: пришёл проверить. Дверь была открыта, — буркнул он.

— Когда мы подходили, ты стоял рядом с человеком в сером.

— И что? Я пытался его выставить.

— Хорошо, если так.

Макар хотел что-то ответить, но увидел Татьяну и замолчал. Она как раз вернулась после разговора с родителями. На лице у неё не осталось ни капли приветливости.

— Вы оба сейчас прекратите, — сказала она. — Мне требуется понять, кто будет работать завтра. И почему двое посторонних смогли пройти к нашим вещам, хотя я запретила это утром.

— Я не разрешал им старый корпус, — сказал Макар.

— Я спросила про проход. О старом корпусе мы поговорим отдельно.

Он сжал губы. Татьяна не стала вытягивать из него ответ перед нами.

— Марина, спасибо, что вмешались. Артём, вы тоже помогли. Теперь прошу выйти в контору. Здесь сотрудники справятся сами.

Мы послушались. В коридоре родители уже забирали детей. Кто-то сердито говорил о сорванном занятии, кто-то расспрашивал Олю, испугались ли лошади. Из манежа доносилось спокойное постукивание копыт. Жизнь клуба возвращалась к привычному шуму, но теперь между звуками слышалось повреждённое дерево, и это стоило Татьяне вполне реальных денег.

В конторе она поставила перед Мариной стакан воды. Потом вынула телефон и отменила ещё одно вечернее занятие, коротко извинившись перед клиентом. На секунду задержала взгляд на расписании. Даже без подсчёта повреждений было видно, во что обошлась клубу чужая вылазка.

— Вы думаете, они приехали за серебром? — спросила она.

— Сегодня они смотрели на ящик с лошадиной головой. В стену не заглянули. Один полез за бумажным свёртком. Возможно, искали всё, что можно перепродать. Возможно, им требовалась именно эта коробка.

— Ящик достался мне от деда вместе с другими вещами. Там старые ремни и всякая мелочь. Его не использовали много лет.

— Где он стоял до сегодняшнего дня?

— В уголке старой кладовой. Вчера мы передвинули несколько коробок, чтобы освободить место для занятий. Макар помогал.

Я вспомнил слова Макара утром: «Я один такой вчера переносил». Получалось, он мог знать, где оказался именно этот ящик. Это ещё не доказывало ничего, кроме его знакомства с собственным рабочим местом.

— Бумага внутри важная? — спросил я.

— Не знаю. Там перечни упряжи и записки прежних хозяев. Всё мокло и пылилось годами. Завтра сама посмотрю. При вас никаких коробок открывать не собираюсь.

— Правильно.

Татьяна подняла на меня глаза.

— Не соглашайтесь со мной так быстро. Я начинаю подозревать подвох.

— Подвох в том, что эти двое не получили ящик. И вернутся с новой идеей.

Она медленно кивнула.

— С завтрашнего утра старый корпус закрываю для всех, кроме себя и тех, кого позову лично. Ключи от помещения с вещами будут у меня. Макар продолжит заниматься лошадьми, но решать, кто проходит к старым комнатам, больше не сможет. И пусть каждый работник услышит это от меня.

— Это создаст неудобства.

— Их действия уже создали мне убытки. С неудобствами справимся.

Марина поставила стакан.

— Важно, чтобы люди знали, куда обращаться, если появятся такие же гости. А за чужим ножом во дворе больше никто не гонялся.

— Здесь и без вас хватит правил, — сухо ответила Татьяна. Потом смягчилась: — Простите. У меня сегодня их слишком много нарушили.

Марина молча держала стакан двумя руками. Пальцы ещё дрожали после заслона. Я предложил отвезти её домой, но она осталась: хотела услышать, что Татьяна решит насчёт закрытого крыла.

Татьяна неожиданно предложила пройти через манеж. Там уже было пусто: вечерняя группа разошлась, у двери осталась забытая детская перчатка. Она показала участок, о котором говорила ещё до драки. Я наклонился, осмотрел скол и заметил, что старые кирпичи рядом были темнее тех, что лежали ровной полосой чуть выше. Сама полоска выглядела моложе остальной кладки. Возможно, когда-то здесь заделывали обычный ремонт. Возможно, прятали пустоту. Открывать стену взглядом я не умел.

— Здесь раньше что-то меняли? — спросил я.

— Понятия не имею. Дед говорил, манеж много раз перестраивали. Но больше трогать ничего не разрешаю, пока не решу, когда можно остановить занятия.

— Согласен. Если захотите разобраться с этим участком, сначала осмотрим его при вас. А сегодня хватит приключений.

Я провёл взглядом по стыку старой и новой кладки. Потёртость на ящике и уголок бумаги из него не давали ответа о кладе, зато объясняли чужой интерес к упряжи. Я попросил Татьяну сохранить лист до нашего следующего осмотра.

У выхода нас догнал Макар. Он вымыл лицо, переодел испачканную рубашку и снова выглядел человеком, который умеет держать в руках лошадь. Только взгляд стал заметно тяжелее.

— Бархан успокоился, — сообщил он Татьяне. — Переночует в свободном деннике. Завтра посмотрим, что со стойлом.

— Спасибо. Утром соберу всех работников. Нам предстоит серьёзный разговор.

Макар быстро взглянул на меня.

— Я понял.

— Надеюсь, — сказала она.

Когда он ушёл, Татьяна закрыла дверь конторы. Я увидел через стекло, как Макар остановился у служебного прохода, засунул руки в карманы и долго смотрел на пустую дорожку. Откуда у людей Устинова было столько уверенности, что им откроют именно эту створку, оставалось загадкой. Я видел лишь чужие движения и слишком поспешные объяснения Макара. Делать окончательные выводы сейчас значило бы подменять увиденное собственным раздражением.

Мы с Мариной вышли к машине вместе. За оградой пахло сырой травой, на стоянке стояли последние автомобили посетителей. Я обернулся к манежу. Внутри светилась ровная полоска свежей кирпичной кромки, и почему-то именно она не давала мне покоя. На полу

амуничника остался разбитый старый ящик. Двое приезжих ушли без него. А Татьяне завтра предстояло решать, какую дверь открывать следующей и кому вообще можно доверить ключ.

— Кладка менялась, — сказал я Марине. — Но Татьяна ещё не решила, когда пустит нас к стене.

Марина показала на пустую дорожку у служебной створки. Дверь закрывали изнутри, а Макар так и не поднял глаз. Я запомнил не кирпич, а его молчание: к стене мы сможем вернуться с разрешения хозяйки, с человеком у ворот разобраться труднее.

Марина устроилась на пассажирском сиденье. Из конюшни донёсся сердитый удар копыта: Бархан тоже не одобрял сегодняшний вечер. На дорожке осталась порванная перчатка, а служебную створку уже закрывали. Я сел за руль, пока у дверей не появился ещё один незваный посетитель.

Глава 5. Тяжёлая дверь

«Приходите», — написала Татьяна. После обеда освобождался старый манеж, и хозяйка разрешала вместе осмотреть стену. Вчера люди с ножами ломали здесь имущество; сегодня она пыталась вернуть клуб к обычной работе. Я подтвердил время и пообещал обойтись без лома. «Насчёт сюрпризов обещать опасно», — ответила она.

В мастерской Семён устроил скандал из-за чужого мокрого зонта, поставленного на его ящик. Домовой поменял местами знакомые внутренние двери. Клиент вышел из склада, куда вовсе не собирался, и спросил, не растут ли у нас стены сами собой. Я показал клиенту обычный выход, а Семёну вернул его ящик.

Перед выездом набрал Фёдора. Антиквар подтвердил, что по фотографии жетона нельзя определить ни происхождение, ни реальную цену. Он согласился посмотреть будущие находки лишь с разрешения хозяйки. Я приехал в клуб без покупателя за спиной. После вчерашних событий даже этого мне казалось достаточно для одного мирного дня.

На въезде в «Берёзовую гриву» пахло мокрой листвой. Утренний дождь уже прошёл, а на гравии остались лужи, в которых отражались белые стены корпусов. На парковке стояли две машины родителей, фургон с кормами и старый пикап клуба. Бархан из открытого окна конюшни показал мне тёмную морду и презрительно фыркнул. У жеребца, судя по виду, не осталось ни единого угрызения совести по поводу вчерашней перегородки.

Макар Зотов встретил меня возле главного входа. На щеке темнела свежая царапина, куртка была застёгнута под горло. В руках он держал бумажку с расписанием, которую непрерывно складывал пополам.

— Хозяйка в манеже, — сказал он. — Велела проводить.

— Как Бархан?

— В хорошем настроении. Сломанное стойло, видимо, счёл удачным способом получить отдельную комнату.

— А у тебя настроение какое?

Он поднял глаза.

— Рабочее.

Мне хватило этого ответа. После вчерашнего я видел, как человек в серой куртке стоял у приоткрытой служебной двери рядом с Макаром. Видел, как тот торопливо убрал руку в карман. Остального не знал. Обвинять работника перед хозяйкой из-за нескольких движений было бы легко. Потом попробуй заставь время вернуть тебе неверно сказанные слова.

Мы прошли мимо амуничника. Его дверь стояла закрытой, на проёме висела новая простая табличка: «Посторонним вход запрещён». Старый ящик с рисунком лошадиной головы исчез с пола. На его месте остались потёртые доски и едва заметная полоса древесной пыли.

— Ящик у Татьяны? — спросил я.

— Да. И бумага тоже. Сказала, будет смотреть сама.

— Разумно.

Макар дёрнул угол листка.

— Утром нам устроили собрание. Теперь любой ключ выдаётся через хозяйку. Даже когда нужно взять обычную сбрую. Посмотрим, как долго это продержится.

— После вчерашнего долго будет лучше, чем недолго.

— Вам легко советовать. Вы приезжаете, когда интересное начинается.

— Вчера интересное закончилось счётом за сломанную перегородку. Я бы предпочёл обычную скуку.

Он промолчал и открыл передо мной дверь манежа. Успел отступить ровно на шаг, чтобы я прошёл первым, а затем быстро пошёл обратно к конюшне. Оставлять Макара без внимания стоило. Назначать его виновным заранее я пока не собирался.

Татьяна стояла у дальней стены в непромокаемой куртке, с папкой под мышкой. В пустом манеже было слышно, как за перегородкой лошадь лениво тянет воду из поилки. Здесь вчера трещало дерево и ругались люди. Сейчас от этого остались светлая щепка под лавкой и непривычная тишина.

— Время у нас ограничено, — сказала хозяйка. — Через сорок минут придут дети. И сразу договоримся: стены сегодня никто не открывает.

— Я помню.

— Вы часто говорите, что помните. Потом начинаются приключения.

— Давайте сегодня ограничимся кирпичами. Они обычно нападают медленно.

Она показала мне на сколотый участок у нижнего борта. Вчера я заметил здесь ровную полосу кладки, отличавшуюся от старого кирпича. Сегодня при дневном свете различие стало яснее. Несколько рядов были светлее соседних, а их прямоугольник удивительно аккуратно вписывался между двумя старыми участками, будто кто-то когда-то закрыл небольшой проём и постарался сделать это незаметно.

Я присел, посмотрел на стену сбоку, затем отошёл к противоположному проходу. Никаких хитрых устройств для осмотра у меня не было. Опыт старых домов подсказал простое: кладку перекладывали позже окружающей стены. Причина оставалась неизвестной. Там могли спрятать инструменты, закрыть бывшую дверцу или просто починить давний пролом.

— Видите границу? — спросил я, указав на светлые кирпичи.

— Теперь вижу. Вчера она терялась в тени.

— Вы говорили, дед много раз перестраивал манеж. Помните, кто делал эту часть?

— Нет. Тогда я была ребёнком. Дед терпеть не мог разговоры о ремонтах и всегда считал, что лучше показать результат, чем рассказывать о процессе.

— Мы бы с ним поладили.

Татьяна чуть улыбнулась, но тут же посмотрела на стену серьёзнее.

— Сначала из неё выпал жетон. Потом чужие люди стали спрашивать про старые вещи. Теперь вы обнаруживаете такую аккуратную заплату. Хотите сказать, что там клад?

— Хочу сказать, что здесь когда-то что-то закрыли. Клад — одна из версий. Пока мы видим кирпич, который лежит на другом месте позже соседнего.

— Вы удивительно осторожны для человека, называющего себя чёрным копателем.

— За чужой кирпич отвечает тот, кому принадлежит стена. За неверное обещание о золоте я тоже отвечать не собираюсь.

Она обошла меня и приложила ладонь к холодной стене. Татьяна нахмурилась: знакомая стена вдруг стала для неё чужой. Потом Татьяна отняла руку.

— Пойдёмте. Мне нужно показать вам ещё кое-что.

В конце старого коридора стояла тяжёлая деревянная дверь, покрытая тёмными царапинами. Я видел её издали в первый вечер, но тогда у меня были дела поважнее. Татьяна достала из кармана ключ и потянула створку на себя. Та сопротивлялась, как человек, которому предложили работать в выходной. Пришлось помочь плечом. Дверь открылась с длинным сухим скрипом.

За ней располагалось пустующее помещение, где когда-то, судя по запаху дерева и старого сена, держали снаряжение. Теперь вдоль стен стояли несколько закрытых шкафов и два стула. Окно выходило на задний двор. Отсюда было видно, что светлая кладка манежа действительно продолжалась за перегородкой, но там её почти закрывал высокий шкаф.

— Никаких шкафов двигать не будем, — предупредила Татьяна.

— И не просил.

— Хорошо. Вчера двое хотели вынести мой ящик. Сегодня мне достаточно, что вы видите помещение с разрешения.

Она закрыла дверь, повернула ключ и положила его обратно в карман. Никакой торжественной передачи доступа не произошло. Я счёл это хорошим знаком: хозяйка хотела сначала понять, зачем ей вообще открывать старую стену.

В конторе она положила передо мной чистый лист и спросила прямо:

— Предположим, я разрешу поиск. Что получу, кроме риска потерять кусок манежа и ещё одну тренировку?

Я придвинул стул.

— Вы получите ответ, есть ли за поздней кладкой ниша. Если там окажутся вещи, мы достанем их при вас и сначала определим, что принадлежит вашей семье. Если найдём пустоту, на этом история закончится. Повреждение придётся привести в порядок; расходы согласуем до начала работы.

— А ваша доля?

— Её можно обсуждать после находки. Вещи ваши до тех пор, пока вы сами не решите иначе. Жетон остаётся у вас. Из манежа я ничего тайком не вынесу.

— Я хочу, чтобы на осмотре присутствовала лично. И чтобы ни один посторонний в этот день не мог пройти к старому корпусу.

— Это ваше условие. Я его принимаю.

— И ещё: занятия важнее. Я не закрою клуб на неделю ради предположения о тайнике.

— Мне достаточно одного заранее выбранного окна. Если за стеной окажется что-то сложнее обычной ниши, остановимся и решим отдельно.

Татьяна откинулась на спинку стула и захлопнула папку. Слово «остановимся» ей явно не понравилось. В контору постучали. Молодая инструкторша заглянула внутрь и сообщила, что родители следующей группы приехали раньше. Татьяна попросила дать детям переодеться и сама закончила разговор.

— Мы ещё не договорились о дне, — сказала она. — Завтра группа за группой, послезавтра у нас частное занятие. Я сама выберу промежуток. И не хочу, чтобы кто-нибудь узнавал его заранее.

— Тогда закрепим только правила. Дату сообщите позже.

Она взяла ручку и на том самом листе коротко записала наши условия. Я прочитал их и поставил подпись. Татьяна расписалась следом. Бумага осталась у неё вместе с ключами.

— Теперь я разрешаю вам поиск в указанном участке при моём присутствии, — произнесла она. — Начать сможете после моего отдельного звонка. Без него к кирпичам подходить не станете.

— Принято.

— О доле будем договариваться только по реальным находкам. И никакого Фёдора здесь без моего согласия.

— Он и сам чужое покупать не собирается.

В эту секунду за окном раздался автомобильный сигнал. Затем ещё один, уже длинный и настойчивый. Татьяна посмотрела на стекло, словно её терпение можно было расходовать по часам и кто-то только что потребовал последнюю минуту.

— У ворот человек, который показывал снимки манежа, — сообщила инструкторша. — Родители спрашивают, почему чужие решают, когда мы будем открывать старую стену.

Татьяна встала так резко, что стул ударился о стену.

— Я сейчас выйду. Артём, вы можете пойти со мной. Но говорить за меня не надо.

— С удовольствием оставлю себе трудную роль человека, который слушает.

На дорожке собрались родители. Скупщик показывал им фотографию стены, но Татьяна сразу вывела детей через вторую створку и велела Макару закрыть служебный проход.

— Занятия идут по расписанию, — сказала хозяйка. — Предметы клуба не продаются. Прошу освободить проход.

Устинов кивнул серому помощнику. Тот встал поперёк пешеходной дорожки. Мать с девочкой в синем шлеме остановилась перед ним, прижимая к груди чехол с сапогами. Я подошёл ближе, собираясь убрать его с пути. Серый уже расправил плечи.

— Горин, — негромко сказала Татьяна. — Мне нужны открытые ворота и целые посетители. Оставьте его мне.

Татьяна распахнула вторую створку, позвала Макара и провела детей по широкой дорожке. Родители оттеснили помощника к забору. Человек в сером предпочёл промолчать: шлемы и детские сумки интересовали окружающих больше его начальника.

— Вы и на чужой территории ведёте себя как арендатор, который забыл про плату, — заметил Григорий Важин, подходя от парковки. Он кивнул мне, а скупщику показал папку клиента. — На Торговой улице вас ждут по совсем другому делу.

Важин остановился на расстоянии вытянутой руки. Его спокойствие действовало на помощников сильнее моего желания спорить: никто не захотел первым проверять, умеет ли оборотень защищать собственную работу.

Устинов нахмурился.

— Важин? А ты здесь зачем?

— Вы задолжали моему клиенту аренду и хотите выкупить помещение дешевле долга, — сказал Важин. — Со мной можете говорить о плате. Собственность обсуждайте с владельцем.

— Не твоё дело, — процедил скупщик. — Мы с владельцем почти договорились.

— Я представляю интересы владельца. Он вправе отказать вам без объяснений.

Человек в сером шагнул к Важину. Тот повернул голову. Я успел заметить, как внимательно Григорий смотрит на его руки и положение плеч. Ни рывка, ни другой знакомой мне волчьей выходки я не увидел. Мужчина задержался на месте, затем нехотя отошёл.

Устинов дёрнул подбородком.

— Вот что, Горин. Ты решил меня задавить знакомствами?

— Я понятия не имел, что Важин сюда едет. Аренду ему должен ты, вопросы задавай ему.

— Совпадение, значит?

— В Кобрине полно людей, которым вы портите настроение. Однажды маршруты неизбежно пересекутся.

Важин поднял ладонь, останавливая разговор.

— У меня к Горину просьб нет. К вам есть. Сегодня после шести примете звонок моего агентства и обсудите долг. Если будете продолжать давление на клиента, он расторгнет разговоры о продаже окончательно. Решение за ним.

— Ты ещё пожалеешь, — бросил скупщик.

— Возможно, — ответил Важин. — Но мой клиент уже пожалел, что отдал вам ключи.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Устинов резко развернулся, бросил что-то спутникам и пошёл к машине. Мужчины двинулись за ним. Один успел оглянуться на Татьяну, закрывавшую калитку за последним ребёнком. Устинов сел за руль, но уезжать сразу не стал. Он смотрел на вход и на часы, закреплённые над вывеской клуба. После вчерашнего у меня уже не было иллюзий: такие люди запоминают расписание лучше собственных обещаний.

Важин подождал, пока автомобиль вывернет на улицу, и только затем подошёл ко мне.

— Дорогую компанию ты выбрал, Горин, — заметил Важин. — Я хотя бы выставляю должникам счета по договору.

Татьяна подошла к нам после короткого разговора с Макаром. Он вернулся к группе, держа у себя в руках список детей. Хозяйка остановилась, явно стараясь понять, насколько безопасно благодарить незнакомого мужчину, который только что вывел Устинова из себя.

— Спасибо, что помогли закончить разговор, — сказала она.

— Я сюда приехал за своим должником, — ответил Важин. — Вы просто оказались на той же улице. Надеюсь, этот человек больше не будет мешать вашим занятиям.

— Надежды я сегодня расходовать не хочу. Лучше закрою ворота.

Она кивнула ему и направилась к конторе. Я задержался с Григорием возле парковки.

— Устинов теперь знает, что мы знакомы, — сказал я.

— Я пришёл за долгом клиента, — напомнил Важин. — За ваши семейные тайники отвечать не стану.

Важин уехал по собственным делам. Я вернулся в контору. За окном дети снова выводили коней в манеж.

Татьяна сидела над расписанием и вычёркивала пустой промежуток, который, видимо, рассчитывала выделить под осмотр. На столе лежал наш лист с условиями, рядом — её телефон и конверт с серебряным жетоном. Она убрала конверт в ящик, едва заметив мой взгляд.

— Завтра искать не будем, — сказала она. — Сегодня Устинов увидел, когда у нас сменяются группы. Не собираюсь облегчать ему работу. Выберу другое время и сообщу лично. До этого никакой кладки.

— Согласен. Пусть занятия идут своим чередом.

— Долго они своим чередом не идут. После вчерашнего мне ещё надо вернуть родителям деньги за сорванный урок и решить, где тренировать Бархана.

— Понимаю.

Татьяна устало потерла лоб, затем вдруг посмотрела на меня.

— Утомляет то, что каждый отказ приходится защищать снова, — сказала Татьяна, вычёркивая имя из списка посетителей.

— Вы никому ничего не должны объяснять. Ниша останется на месте до вашего решения. Если там есть деньги, они пока тоже никуда не уйдут.

В дверь постучали. Инструкторша принесла телефон Татьяны, забытый возле стойки. На экране светилось сообщение от неизвестного номера: «Готов оценить старый серебряный жетон без обязательств. Могу встретиться завтра у рынка. В помещении клуба неудобно». Татьяна показала его мне, не отдавая телефон.

Позже инструкторша принесла связку уздечек, спутанную до невозможности. Из старой кладовой тянулся шёпот. Пока мы смотрели на ремни, Павел остановился у открытой двери и окликнул Татьяну: «Татьяна Сергеевна, вы здесь?» Она ответила, что выйдет позже. Павел ушёл к лошадям. Его шаги уже стихли во дворе, когда в кладовой опять звякнула пряжка.

Татьяна открыла кладовую сама. За дверью скользнул ремешок, пряжка ударилась об пол, а из дальнего пустого угла отчётливо донеслось: «Татьяна Сергеевна, вы здесь?» Павел уже работал во дворе. Я видел его через окно перед тем, как мы спустились. Хозяйка шагнула к знакомому голосу, и под её каблуком затянулась подпруга.

Я придержал Татьяну, пока она освобождала сапог. На полке звякнули удила, и звук хлестнул меня справа. Я повернулся — но свет из манежа оставался слева. Мы продолжили двигаться к нему, а не за чужим голосом.

— На свет смотрите, — сказал я. — Голос здесь давно получил отдельное рабочее место.

Из-под потолка вернулось моё собственное «На дверь смотрите» — теперь голос слышался за дальним шкафом. Татьяна не поддалась. Пряжки на полке потянули за собой ремни и встали поперёк прохода. Она присела и спокойно освободила подпругу, не рванув её на себя. Кикимора на мгновение замерла, и этого хватило, чтобы переступить зацепившуюся петлю.

За корзиной сидела сгорбленная кикимора. Ещё раз она бросила из-за шкафа услышанный павловский оклик. Татьяна даже не повернула головы. Существо устало опустило руки, а на полке впервые перестали шевелиться ремни.

— Ночью сюда забрались чужие люди, — сказал я. — Вещи возвращаем на место. Упряжь не унесём. Разреши хотя бы выйти живыми, тогда и ремонтировать твою кладовую никто не полезет без разговора.

Кикимора перестала дёргать ремешки. Татьяна взяла лежавшую под ногами уздечку и сама повесила на нужный крюк. С полки сорвалась короткая петля, метнулась к её руке и бессильно упала: хозяйка уже стояла у порога, за пределом места, где нежить могла управлять связками. В тишине отчётливо донеслись шаги настоящего Павла по двору.

Мы вышли. Татьяна прикрыла дверь и объявила инструкторше: до отдельного осмотра старое крыло для посетителей закрыто, работников пускать только вдвоём. Я не стал возражать: в кладовой моё любопытство едва не поставило её на колени.

Татьяна лично отвела молодую инструкторшу к другому шкафу со сбруей и показала, где можно брать снаряжение, не входя в старую кладовую. Девушка сначала хотела возразить: ей пришлось бы делать лишний круг через манеж. Потом увидела порванную подпругу в руках хозяйки и передумала. Мы стояли рядом, пока работница уводила двух лошадей из перехода. В расписании появился лишний обход через манеж; Татьяна вписала его собственной рукой.

— Ещё один собственник, — сказала Татьяна. — И этот хотя бы честно показывает, где считает территорию своей.

— С ним труднее спорить через адвоката.

— В старую часть без меня не входить, — добавила она. — И скажите Павлу: если его вдруг позовут из пустого шкафа, сначала пусть проверит, где находится сам.

Осмотр стены отложили. Татьяна попросила предупредить Фёдора: к серебру вернёмся, когда в старом крыле станет безопасно.

— Старые вещи пока оставьте у себя, — сказал я. — Когда будете готовы, поедем на оценку вместе.

— Завтра я сама решу, стоит ли вообще с кем-нибудь разговаривать. Если решу, вы поедете со мной. Но никакой самодеятельности.

— Договорились. Я даже попробую соблюдать ваши правила раньше, чем меня заставят.

Татьяна убрала телефон. За стеной манежа началось занятие: инструктор подавала команды, дети смеялись, копыта мерно били по грунту. Она на мгновение прислушалась к этому шуму и только потом направилась к выходу.

На повороте хозяйка остановила мать, собиравшуюся забрать дочь из клуба насовсем. Они поговорили без свидетелей. Через несколько минут женщина согласилась привести девочку на следующую тренировку. Я ушёл к машине, оставив Татьяне первую за день маленькую победу.

Глава 6. Чужая цена

Телефон завибрировал, когда я менял масло во второй машине за утро. Клиент раздражённо переступал у подъёмника. Я вытер ладони, включил громкую связь и попросил его подождать. Татьяна говорила так, будто уже приняла решение насчёт оценщика.

— Артём, я решила встретиться с этим оценщиком. Сегодня в три, возле крытого рынка. Он написал, что покажет удостоверение и назовёт цену на месте.

— За старый жетон, который вы не продаёте?

— Хочу услышать, почему ему понадобилось ехать через весь город. Мне уже предлагали двадцать тысяч у ворот. Теперь обещают оценку без обязательств. Любопытство пока бесплатное.

— Обычно это слово первым исчезает из счёта.

— Вы сможете подъехать? Только без самостоятельных погонь и выступлений. Я сама назначила место, там полно людей.

Посмотрел на разобранную машину на подъёмнике. Клиент обещал вернуться вечером, а впереди оставалось работы на пару часов. Если ехать к рынку, придётся передать заключительную часть смены напарнику. Зарплата от этого заметно красивее не станет.

— Приеду. Но если человек окажется связан с Устиновым, встречу закончим сразу.

— Решать, когда её заканчивать, буду я, — поправила Татьяна. — Условия поиска в манеже остаются прежними. На рынке никто ничего не покупает без моего согласия.

— Тогда договорились.

Она отключилась. Я закончил с машиной, отдал ключи напарнику и услышал от него вполне заслуженное замечание о людях, которые уходят заниматься древностями посреди рабочего дня. Объяснять ему особенности моего заработка было бессмысленно. На обычной работе хотя бы понятно, кто кому должен. Со старым серебром должники возникали быстрее покупателей.

У рынка я первым делом пошёл не к торговцам, а к старой арке. Вчера её проход перекрывали чужие коробки. Теперь там стояла ржавая табличка на боку, а за кирпичом виднелась тёмная щель. Я запомнил, откуда будет искать настоящий выход, если старый сторож решит вмешаться.

У закрытого павильона в старом ряду двое торговцев спорили из-за вывески. Один поставил ведро с мусором прямо к чужому порогу и объявил, что у пустого помещения хозяев нет. Из-под жалюзи вытянулась красная нитка, зацепила ручку ведра и шнурок его ботинка. Мужчина рванулся, ведро опрокинулось, а очистки полетели под соседний прилавок. Торговка с фруктами возмутилась громче обоих спорщиков.

— Что за чертовщина?!

За жалюзи захихикали, застучали деревянные бусины. Здесь жила другая кикимора — рыночная, из закрытого павильона; обитательница старой кладовой «Берёзовой гривы» осталась за несколько кварталов. Рыночная путала нитки и мелкие вещи у своего порога, куда торговцы опять поставили мусор. Продавец смотрел на меня так, будто представление заказал лично я, а соседка требовала убрать очистки до открытия ряда.

Я поднял ведро и помог собрать мусор, пока торговец, красный от злости, распутывал ботинок. Утром он ещё спорил об аренде площадки, теперь ему пришлось извиняться перед соседкой. Мне досталась половина её негодования — за то, что подошёл ближе остальных.

— Уберите своё добро от двери. Там соседка нервная.

— Какая ещё соседка? Тут полгода никто не работает!

— Тем более, — сказал я. — Отвыкла от посетителей.

За жалюзи удовлетворённо зашуршали. Кикимора получила чистый порог, торговцы — причину не оставлять там ведро, я — грязные ладони и несколько замечаний о чужих порядках. Только после этого отправился к кофейному киоску, где ждала Татьяна. Нечисть занималась своими делами и не собиралась выбирать сторону в моей войне с Устиновым.

Татьяна стояла у кофейного киоска. Вместо вчерашней рабочей куртки на ней было тёмное пальто; волосы убраны назад, в руке кожаная сумка. Она выглядела хозяйкой клуба, которой удалось на час выйти из бесконечного расписания. Только взгляд по сторонам выдавал, сколько неприятностей ей принесли последние дни.

— Вы рано, — сказала она.

— Решил увидеть, с кем придётся торговаться. Вдруг оценщик приедет с грузовиком для жетона.

— Горин, если будете шутить при каждом встречном, я назначу вам оплату за молчание.

— Высокую?

— Непосильную.

Она едва улыбнулась, затем достала телефон. На экране было короткое сообщение: «Светлое кафе у северного входа. За столиком справа». Отправитель подписался именем «Александр». Я перечитал — и не нашёл ничего полезного. Имя было слишком обычным, а номер столика никак не подтверждал профессиональных знаний отправителя.

— Жетон при вас? — спросил я.

— При мне. Показывать буду сама, в руки без причины не отдам. Вчера вы очень настойчиво советовали никого к нему не подпускать. Совет я услышала.

— Рад, когда моя работа всё-таки приносит пользу.

Мы вошли в кафе через стеклянную дверь. Люди сидели с пластиковыми стаканами, за дальним столиком школьники делили коробку с выпечкой. Справа у окна ждал худой мужчина лет сорока пяти. Серый пиджак, аккуратная бородка, дорогие часы. Перед ним лежала тонкая папка, рядом остывал кофе. Увидев нас, он поднялся с улыбкой, будто мы успели заранее договориться о продаже.

— Татьяна Сергеевна? Александр Кравцов. Очень рад. А это, полагаю, ваш консультант?

— Артём Горин, — ответил я. — Приглашён оценить старую находку. И посмотреть, как её оценивают другие.

Улыбка на лице Кравцова выдержала. Он протянул визитку с надписью «Частные коллекции. Антикварные предметы». Адреса там не было, только номер телефона и почтовый ящик. Я убрал карточку в карман. По ней можно было судить разве что о расходах владельца на печать.

— Я работаю напрямую с коллекционерами, — сказал Кравцов. — Могу предложить сумму без торгов и длительного ожидания. Сначала взгляну на вещь.

Татьяна села спиной к стене, поставила сумку на колени и достала небольшой конверт. Жетон лежал внутри прозрачного пакетика. Кравцов потянулся, но она удержала его на своей стороне стола.

— Сначала посмотрите так. Если понадобится перевернуть, я переверну.

Мужчина на мгновение поджал губы. Затем наклонился к серебру. От близкого прилавка тянуло корицей, за дверью хлопала тележка доставки. Кравцов рассматривал предмет дольше, чем требовалось для простой фотографии, но я не заметил ни лупы, ни другого инструмента. Он вполне мог понимать в серебре. Не меньше он, похоже, понимал в том, как вести себя перед человеком, который сомневается.

— Интересный экземпляр, — произнёс он. — Старый, несомненно. Возможно, вручался при конюшенном дворе. Вещи такого рода ценятся по происхождению.

— Происхождение мы как раз выясняем, — сказала Татьяна.

— Потому я и хотел бы узнать, что сохранилось вместе с ним. Письма, фотографии, наградные записи. Обычно в семье остаётся что-нибудь ещё.

— У меня есть семейные вещи. Перечислять их незнакомому человеку не собираюсь.

Пальцы Татьяны сжали ручку сумки. Вчера Татьяна показывала мне лист с расходами за повреждённое стойло, и цифры там никак не радовали. В клубе платили инструкторам, покупали корм, возвращали деньги родителям за сорванные занятия. У хозяйки имелись причины прислушаться к любой серьёзной сумме. Кравцов наверняка рассчитывал именно на это. Он выбирал слова так, чтобы чужая нужда сделала за него половину работы. Пока Татьяна сидела прямо, спокойно держала конверт и заставляла его объясняться. Я вдруг подумал, что без этой женщины старый манеж давно превратился бы в склад, где лошади остались бы разве что на пожелтевших фотографиях.

— Разумеется. Но тогда цена будет осторожной. Скажем, пятьдесят тысяч рублей. Сразу, переводом или наличными, по вашему желанию.

Татьяна подняла взгляд. Я тоже. Устинов возле ворот называл двадцать тысяч, а этот человек за считаные секунды увеличил сумму более чем вдвое. Он почти ничего не спросил о состоянии серебра, зато уже был готов открыть кошелёк.

— Вы не видели обратную сторону, — напомнила хозяйка.

— Вижу качество изготовления.

— И знаете, кто изготовил?

Кравцов положил ладони на стол.

— Такие подробности обсуждают при серьёзной сделке. Если у вас сохранились другие предметы того же времени, я мог бы сделать отдельное предложение. Особенно если старое имущество пока лежит в закрытой кладовой при конюшне.

Слова прозвучали ровно. Татьяна перестала двигать конверт. Я смотрел на человека напротив и пытался понять, откуда он взял именно конюшенную кладовую. В клубе имелся амуничник, куда недавно пытались проникнуть двое людей Устинова. О старом ящике с изображением лошадиной головы посторонним не рассказывали. Про него знали работники, Татьяна, я и те, кто уже видел помещение изнутри.

— С чего вы решили, что у меня есть закрытая кладовая? — спросила она.

Кравцов слегка развёл руками.

— Конный клуб, старая территория. Предположение очевидное.

— У любого клуба есть место для снаряжения, — согласился я. — А вот вы говорите так, словно вас интересует определённая дверь.

— Господин Горин, мне интересны предметы. Откуда их принесут, особого значения не имеет.

— Тогда зачем спрашивали?

Он перевёл взгляд на Татьяну.

— Мне кажется, мы немного отвлеклись. Я предлагаю хорошие деньги. Шестьдесят тысяч за жетон. При условии, что вы покажете остальные старые вещи и дадите возможность выбрать то, что может заинтересовать покупателя.

— Вы только что сами отменили собственную цену, — сказала Татьяна.

— Я улучшил условия.

— Приписали к ним доступ в моё имущество. Мне такое улучшение не подходит.

Кравцов сделал вид, что не расслышал раздражения. Он достал из папки чистый лист, положил на стол ручку и озвучил сумму ещё раз. Наличными, прямо сегодня. Рядом школьники спорили из-за последнего пирожного; разговор у нашего окна вдруг показался такой же глупой попыткой поделить чужое.

— Семьдесят пять, — сказал Кравцов. — И мне достаточно будет просто осмотреть вашу семейную коллекцию. На месте ничего забирать не стану.

Татьяна аккуратно вернула жетон в конверт.

— Вы так и не объяснили, по какому признаку его оцениваете. С каждым ответом ваша цена растёт. Похоже, интересует вас другой предмет. Этот я продавать не собиралась и сейчас не собираюсь.

— Мне бы очень не хотелось, чтобы вы пожалели о поспешном решении.

В кафе отворилась дверь, и внутрь вошла пожилая пара с тяжёлыми сумками. Кравцов посторонился, пропуская их, но глаз с конверта не сводил. Он ждал, что Татьяна испугается потерять деньги. Я понимал и другую сторону: сейчас достаточно было сказать «согласна», и накопившиеся счета клуба стали бы чуть легче. Проблема состояла в том, что цену мужчина назначал за чужой доступ, которого ему никто не обещал. За жетон без истории столько платить мог только очень щедрый покупатель либо человек с совсем иной целью. Щедрость в нашем разговоре никак себя не проявила.

— Вы уже пришли к угрозам? — спросил я.

— Я говорю о рынке, господин Горин. Завтра покупатель может предложить меньше.

— Завтра пусть покупатель сначала скажет, кто его прислал.

Кравцов посмотрел на меня по-новому. В его лице стало заметно раздражение. Он убрал ручку, закрыл папку и поднялся.

— Мой номер у вас. Когда передумаете, позвоните. Предложение действует до вечера.

— Значит, недолго вам его терпеть, — ответила Татьяна.

Он двинулся к выходу. Я проводил его взглядом и увидел, как мужчина возле двери быстро достал телефон, ещё находясь в кафе. Кравцов посмотрел на экран, сбросил вызов, а на улице сразу перезвонил. Телефон прижал к уху, повернувшись спиной к стеклу. Я поднялся.

— Я выйду на минуту, — сказал я.

— Артём, — остановила Татьяна. — Мы встречу закончили.

— Хочу понять, кто его привёл. Только поговорю.

— Я не просила.

Предупреждение Татьяны я помнил. И всё-таки вышел за Кравцовым. Через торговый ряд он шёл быстро, огибая ящики с овощами. Я держался на расстоянии. У старого рыночного прохода он свернул под железную арку, где сохранились потемневшие ворота прежнего складского двора.

Я хотел перехватить его перед парковкой. Мужчина с коробками внезапно преградил дорогу; я обошёл его слева, задел тележку и едва не отправил на плитку несколько десятков яблок. Кравцов обернулся, заметил меня и прибавил шагу.

— Вы уже поняли, кто вам платит? — крикнул я.

Кравцов почти бежал под старой аркой к тёмному седану. Я рванул следом, но выцветшая табличка с именем сторожа дрогнула, словно её задели изнутри. Между кирпичными стенами появился Тихон в старой форменной куртке. Я помнил его по прежним разговорам: этот призрак не любил нарушителей, а бегущих людей особенно.

— Не бегать, — велел сторож. — У каждого прохода есть хозяин.

— Вижу того, кто уносит чужую вещь. Мне нужен выход.

— Выход есть. А дорогу сперва научись замечать.

Тихон поднял ладонь. Передо мной будто сомкнулись ворота. Справа вроде бы открылась калитка, но за ней оказался тот же кирпичный свод, та же трещина и запах мокрой пыли. Я сделал шаг и почувствовал, как подошва снова скользит по плитке у ворот. Седан за спиной прогудел, прибавляя скорость.

Я провёл ладонью вдоль щербатой стены, пока пальцы не нащупали настоящую раму калитки. Её держал запор. С дороги уже доносился только удаляющийся двигатель; поймать покупателя теперь было поздно. Оставалось решить, хочет ли сторож разговаривать со мной вообще.

— У тебя знак лежит на земле, — сказал я призраку. — Чужие машины ездят сюда как к себе домой. Я его подниму, если пустишь.

— Сперва сделай.

Я присел у стены. Старая табличка валялась под колесом брошенной тележки. Я вытащил её, поставил над трещиной в стойке, придержал, пока край не встал плотно. На лицевой стороне проступили буквы, которые прохожие прежде не замечали. Тихон повернул голову к надписи. Его силуэт сделался тоньше; створки дрогнули, но ещё удерживали выход.

— Обещание тоже слышу, — сказал он. — Теперь покажи, как люди его выполняют.

Ворота наконец разошлись. Я вышел на улицу, откуда уже не было видно машины. Тихон остался под сводом, будто ничего не произошло. У преследования появился итог: я упустил человека, зато узнал, какую старую границу он никому не позволит нарушить.

— Опять Тихон? — спросила она. — И при жизни проход не любил.

— Не принципиальный, — ответил я. — Единственный в этом районе сторож, который не продаёт проход за наличные.

Я добрался до своей машины и поехал к выезду с рынка. Чужой седан давно исчез, но мне хотелось проверить, каким путём он мог уйти. На первом повороте я слишком поздно заметил столбик возле тротуара и задел его боком. Следа чужого седана так и не нашёл.

Я припарковался у обочины и вышел проверить повреждение. На двери осталась вмятина. Тихон здесь был ни при чём: я смотрел в зеркало вместо дороги.

Прежде чем сесть обратно, я оглянулся на рыночную арку. Человек в кепке исчез за рядами, и догонять Кравцова было уже бессмысленно.

Она позвонила сама.

— Горин, где вы?

— На соседней улице.

— Тот человек уже уехал?

— Да.

— И зачем вы за ним пошли, если я прямо сказала, что встреча закончена?

Ответить сразу не получилось.

— Услышал, как он говорил с Устиновым. Попытался выяснить, куда поедет. Не получилось. Машину задел.

Собеседник замолчал. В трубке щёлкнул какой-то чужой звонок, затем он снова заговорил.

— Приезжайте обратно. Слушать историю по телефону не стану.

На дорогу назад ушло почти двадцать минут. За это время Татьяна успела купить бутылку воды и позвонить в клуб, чтобы проверить, как закончилась дневная тренировка. У входа в рынок Татьяна ждала молча. Когда она говорила таким взглядом, повышать голос ей не требовалось.

— Покажите, — сказала она.

Я подвёл её к машине. Татьяна присела возле повреждённой двери, провела пальцем по краю вмятины и выпрямилась.

— Дорогой получился разговор?

— Пока не знаю. Оценка впереди.

— Мне предложили семьдесят пять тысяч за жетон, которого я продавать не собираюсь. Вы решили обменять это предложение на повреждённую машину. Которую тоже никто не просил продавать.

— Я услышал, что Кравцов разговаривал с Глебом. Он работал на Устинова.

— Я поняла это ещё за столом. Он знал о закрытом помещении, в котором не бывал. Я хотела посмотреть, как далеко он зайдёт с предложениями, а потом уйти. Вы зачем-то решили бежать за ним.

— Чтобы убедиться.

— Убедились?

— Да.

— Тогда считайте урок оплаченным. Вы обещали сопровождать меня. Когда я сказала остановиться, вы ушли. Если так будет во время поиска в манеже, никакого поиска не будет.

Она говорила негромко. Мимо нас шли покупатели, подросток в наушниках подкидывал бумажный пакет, из кафетерия доносилась музыка. Угрожать в ответ было нечем. Татьяна имела полное право закончить сотрудничество, и повреждённый автомобиль в моей биографии не добавлял веса аргументам.

— Я ошибся, — сказал я. — При вас больше никуда не побегу без согласования. И к стене подойду только по вашему приглашению.

— Так вы говорили и вчера.

— Тогда поверить будет трудно. Понимаю.

Татьяна застегнула сумку и посмотрела на часы.

— Мне пора в клуб. Жетон остаётся у меня. Разрешение на поиск я не отменяю, но срок определю после разговора с инструкторами. После того, что происходит вокруг, нужно освободить старую часть манежа и не оставить детей на проходе.

— Я дождусь сообщения.

— Вот этого и прошу.

Она пошла к такси, затем обернулась:

— И ещё. Я сообщила Макару, что на рынок мы едем по обычным делам. Про жетон ничего ему сегодня не говорила. Двое чужаков из предыдущего нападения уже знали, где хранятся старые вещи. Возможно, потому и этот покупатель упомянул кладовую. Прежде чем искать предателя среди работников, вспомните, кто видел помещение своими глазами.

— Вспомню.

Она села в машину и уехала. Я остался на стоянке с неприятным ощущением человека, которого справедливо отчитали за то, о чём он сам предупреждал других. Кравцов не получил серебро. Устинов не получил доступ. Зато наша встреча показала, сколько сведений противник уже собрал и каким способом пытался разжать пальцы хозяйки.

В мастерскую я вернулся ближе к вечеру. Напарник встретил меня взглядом, которым обычно провожают автомобиль, вернувшийся с дороги после обещанного ремонта. Он не стал задавать вопросов, пока не заметил правый бок.

— Что это?

— Плата за любознательность.

— Плата обычно проходит через кассу. Здесь кто-то взял натурой.

Он осмотрел повреждение, поморщился и отправил меня к знакомому мастеру кузовных работ в соседнем боксе. Тот поднялся от стола, посмотрел на дверь и назвал стоимость первичного осмотра: тысяча восемьсот рублей с записью предварительной сметы. Я заплатил переводом. На дальнейшее восстановление он ориентировочно насчитал около двенадцати тысяч, уточнив, что окончательная сумма станет известна после полноценной работы. Согласия на ремонт я пока не дал.

Списание за повреждённое крыло неприятно уменьшило мои деньги. Я убрал телефон: счёт за бесполезную погоню уже пришёл, а выяснять происхождение жетона придётся по-человечески — при согласии Татьяны.

Я вышел во двор мастерской и позвонил Фёдору. Рассказал о предложении Кравцова, пропуская подробности собственной водительской доблести. Антиквар выслушал, помолчал и спросил:

— Он смотрел на серебро через пакетик?

— Да.

— И за такое назвал семьдесят пять тысяч?

— Когда услышал отказ, сумма росла.

— Тогда он платил за разговор о других вещах. Изображение жетона мне знакомо по фотографии, но происхождение никто толком не установил. Ты правильно сделал, что Татьяна его не отдала.

— Это она правильно сделала.

— Значит, хотя бы один человек сегодня думал головой. Зачем ты мне звонишь?

— Предупредить. Если Устинов пришлёт покупателя к вам, он будет изображать знатока старого серебра.

— Пусть сначала научится не брать чужое. И Артём, не пытайся отыграть сегодняшние расходы на первой попавшейся находке. Из таких желаний Чёрный торг делает лучших клиентов.

Мы попрощались. Я стоял у ворот мастерской и смотрел, как на соседней улице загораются фонари. Вечером после старого манежа хотелось заработать, вернуть деньги и доказать себе, что за неприятностями скрывается хотя бы одна настоящая находка. Фёдор вовремя напомнил, насколько легко в таком настроении согласиться на чужие правила.

Сообщение от Татьяны пришло уже после закрытия смены. «Через два дня старый манеж свободен после утренних занятий. Начало в половине второго. При мне, без посторонних. Подтвердите». Я перечитал его дважды. Хозяйка назначила время сама. Раньше её приглашения я не приду.

«Подтверждаю. Приеду вовремя. Жетон можете оставить в конторе. Он нам для стены не понадобится», — написал я.

Ответ появился почти сразу: «Жетон остаётся у меня. Когда приедете, сначала покажете, как будете выходить из старой части, если вход закроется. У вас уже был опыт с рыночным проходом». Татьяна не собиралась платить за мою спешку чужой безопасностью.

Я отметил осмотр на послезавтра и освободил утро от подработки. После обмана Тихона на рынке я нарисовал Татьяне короткий маршрут из старой части манежа: через действующую створку к двору, где людей всегда видно. Схему оставил у неё; осматривать стену теперь предстояло при хозяйке и с открытым выходом. Повреждённая дверь пока могла подождать.

Глава 7. Серебро в стене

Два дня я почти не выходил из мастерской. Три автомобиля уехали исправными, два сомнительных заказа я отклонил, а царапина на собственном крыле осталась. Перед поездкой в «Берёзовую гриву» проверил сообщение Татьяны: время, условия доступа и последнее распоряжение — «Без опозданий».

В назначенное время мне следовало быть в «Берёзовой гриве». После рыночной арки я заранее наметил обычный выход из старого манежа и показал его Татьяне на схеме клуба. Она ответила одним словом: «Посмотрим». Лучше так, чем снова оставить хозяйке разбитый проход и длинные объяснения.

Без пяти половина второго я свернул с городской дороги к клубу. Вдоль ограды стояли две машины родителей, ожидавших детей после занятий. Через дорогу виднелся тёмный седан. Водитель смотрел в телефон, и я принял его за ещё одного ожидающего взрослого. Вход в клуб просматривался оттуда прекрасно. На площадке женщина в тёмном жилете собирала конусы, а работник в зелёной куртке уводил Бархана в денник. Жеребец прижал уши при виде меня. Справедливо: последний мой визит обошёлся ему дороже обычной тренировки.

У крыльца конторы меня встретила Татьяна. Вместо приветствия она посмотрела на часы.

— Раньше назначенного, — сказала она.

— Пытаюсь удивить вас благоразумием.

— Начните с того, что не трогайте ничего, пока я не подойду.

— Вот теперь узнаю нашу деловую обстановку.

Она провела меня в кабинет. На столе лежал лист с условиями осмотра, который мы обсуждали прежде. Татьяна ещё раз показала пальцем на строку о находках: любое извлечённое из стены имущество остаётся у неё, возможную долю мне выделят отдельным решением. Я прочитал, кивнул и поставил подпись рядом с прежними отметками.

— В прошлый раз вы обещали то же самое устно, — заметила она.

— Подписанное обещание весит больше. Особенно когда дело доходит до золота.

— До золота ещё надо добраться. Я могу потратить день на пыль и получить дыру в стене.

— Можете. Поэтому сначала покажу, почему выбрал именно этот участок. Решите, стоит ли продолжать.

Татьяна взяла телефон и связку ключей. Конверт с серебряным жетоном остался в запертом ящике её стола. Я даже не просил его посмотреть: он уже выполнил свою роль, заставив нас обратить внимание на старую кладку.

В манеже пахло влажным грунтом, кожей и недавней работой лошадей. Свет падал через высокие окна косыми полосами. За стеной слышалось, как на дворе переговариваются инструкторы. В отгороженной части никого не было. Татьяна велела закончить занятия здесь до нашего прихода и повесила на входе табличку о закрытом проходе.

Макар Зотов стоял у дальнего выхода. После истории со служебной дверью он почти перестал шутить. На вопрос Татьяны ответил, что лошади переведены и посетители в старый сектор не пройдут.

— А сами куда? — спросила хозяйка.

— В конюшню. Бархан сегодня злой, инструктор просила помочь.

— Помогите. И никого сюда не впускайте.

Макар перевёл взгляд с меня на закрытую стену.

— Вы всё-таки решили вскрывать?

— Я решила посмотреть, что там, — сказала Татьяна. — Этого достаточно.

Он кивнул и ушёл. На его лице осталось выражение человека, которому хочется спросить ещё о многом, но хозяева уже закончили разговор. Я не стал превращать чужую настороженность в доказательство. После нападения на клуб подозрительными выглядели даже обычные вопросы.

У старой стены мы услышали звон пряжек, хотя в отгороженном манеже ни одной уздечки не осталось. Из смежной кладовой донёсся звон пряжек, будто прямо из кирпича. Хозяйка сжала ключи и посмотрела на меня.

— Та самая? — спросила она.

— Она осталась у своих полок. И очень хочет, чтобы мы ушли от стены.

Я подошёл к кирпичу и положил ладонь на место старого шва. За стеной не звенело ничего. Звук шёл сбоку, от кладовой, где кикимора путала ремешки и чужой слух. Я перестал прислушиваться и проверил кирпич пальцами.

Татьяна повернула ключ в двери кладовой, прислушалась к возмущённому скрежету пряжек и вернулась ко мне.

— Работайте здесь. Я сама прослежу, чтобы никто туда не лез. В семейной стене я хочу найти вещь, а не ещё одну соседку с характером.

Мы продолжили осмотр по видимому стыку кладки. Шёпот постепенно стих, но моя уверенность в том, что старый корпус пуст, исчезла окончательно.

Мы остановились у участка, где свежеватый кирпич отличался от потемневшего старого ряда. Скол у нижней кромки увеличился после недавней суматохи. По нему было видно, что часть стены когда-то заделывали отдельно. С какой целью, предстояло выяснить обычными руками.

— Вот линия, — сказал я. — Кирпичи здесь сидят ровнее остальных, а раствор светлее. Возможно, закрывали прежнюю нишу. Возможно, исправляли повреждение. Случай покажет.

Татьяна присела, коснулась края одного кирпича, потом выпрямилась.

— Если это старый ремонт, вы остановитесь?

— Как только пойму. Переламывать всю стену ради надежды никто не собирается.

— Хорошо. Начинайте.

Работа оказалась грязной и упрямой. Первые минуты стена словно издевалась над моей уверенностью. Потом один кирпич поддался, за ним открылся тёмный промежуток. Я убрал из него мусор и провёл ладонью по сухой пустоте. Пальцы наткнулись на твёрдый край небольшого предмета.

— Что там? — Татьяна подошла ближе.

— Пока знаю только, что он старый и довольно тяжёлый.

— Если это мышиная кормушка, я буду долго смеяться.

— Можете начинать тренироваться. Я постараюсь не обидеться.

Предмет вышел из ниши после короткого усилия. Небольшая металлическая коробка, потемневшая от времени, оставила на ладонях серые полосы. Рядом обнаружился узкий свёрток, перевязанный истлевшей тесьмой. Я положил оба предмета на чистую подстилку, которую Татьяна заранее принесла из конторы. Нишу больше не трогал.

— Нашли, — тихо произнесла она.

В её голосе было такое удивление, что я невольно улыбнулся.

— Пока коробку и свёрток. Содержимое может оказаться куда менее интересным.

— Вы умеете испортить человеку красивую минуту.

— Работа обязывает.

Крышка поддалась с неприятным скрипом. Внутри лежал плотный тканевый мешочек. Я осторожно высыпал на подстилку первые кругляши, и серый свет окна поймал знакомый металлический блеск. Татьяна резко вдохнула.

Серебряные монеты различались по размеру и степени сохранности. На некоторых ещё можно было разобрать стёртые изображения, другие требовали нормального осмотра у Фёдора. Я не стал прикидывать стоимость на глаз. В азартной игре с древними вещами такое занятие обычно заканчивается покупкой воздушного замка по цене настоящего.

Мы разложили монеты в один ряд. Татьяна считала вслух, я передвигал их пальцем по ткани.

— Двенадцать, — сказала она. — Серебряных двенадцать.

— Сошлось.

На дне мешочка остались ещё два предмета. Они были меньше части серебряных монет и заметно тяжелее на вид. Даже через грязный налёт проступал тёплый оттенок металла.

— А эти? — спросила Татьяна.

— Похоже на золото. Проверять будет антиквар. Пока считаем двумя отдельными монетами и ничего никому не обещаем.

Она осторожно отодвинула коробку от края подстилки. Я закрыл мешочек, оставив монеты рядом в том порядке, в каком мы их разложили. Впервые за несколько дней в истории клуба появилось что-то осязаемое. Устинов торговался за жетон, Кравцов совал деньги за чужую кладовую, а здесь лежало настоящее серебро, добытое из настоящей стены. К вечеру о находке узнают ещё люди.

— Свёрток тоже откроем? — спросила Татьяна.

— Это ваши вещи. Решайте.

Она взяла тесьму двумя пальцами. Та рассыпалась почти сразу. Из старой ткани показалась брошь с тёмным камнем, окружённым тонкими металлическими листьями. На обороте сохранилась маленькая застёжка. Я ещё не успел рассмотреть работу, когда Татьяна отняла руку от украшения, словно оно обожгло ей кожу.

— Подождите, — сказала она. — Я это видела.

— Где?

— У бабушки на фотографии. Её мать носила такую на семейных праздниках. У нас снимок в альбоме, с конём перед старым домом. Я думала, брошь пропала после переезда.

Она подняла вещицу ближе к окну. Я видел её руки и потемневший металл, но не мог знать, насколько точна семейная память. Татьяна повернула брошь, показала крошечную царапину у застёжки.

— Вот эта отметина. Бабушка рассказывала, что украшение однажды уронили на каменный пол. На снимке её не рассмотреть. Но форму я помню точно.

— Значит, оставляем у вас. С монетами потом разберёмся.

— Я вообще не собираюсь продавать брошь.

— Ваше право.

Татьяна крепко сжала свёрток с украшением.

— Удивительно. Дед так много говорил о лошадях, долгах и старых комнатах. Про эту вещь молчал. А она всё время была в манеже.

— Может, и не знал. Семейные тайники редко сопровождают инструкцией для потомков.

Она спрятала брошь во внутренний карман куртки, застегнула молнию и проверила, держится ли ткань. После этого её взгляд вернулся к серебру. Я видел, как она пытается совместить две совершенно разные ценности: деньги, которых клубу отчаянно не хватало, и вещь, возвращение которой нельзя выразить ценником.

— Помню, как бабушка однажды искала её перед Новым годом, — сказала Татьяна, не убирая рук от кармана. — Перевернула шкаф, переругалась с дедом. Он ответил, что вещи иногда уходят раньше хозяев. Я тогда решила, что он просто не хочет признаваться, куда дел украшение.

— Дед мог сам спрятать её в стене?

— Мог. Или его отец. Манеж достраивали ещё до меня. Никто уже не расскажет, как было. Зато теперь я могу вернуть её в семейный альбом, рядом с фотографией.

Посмотрел на коробку. Она была единственным предметом, который напрямую связывал денежный интерес Устинова с этой историей. Брошь лежала отдельно и представляла для хозяйки другую ценность. Брошь Татьяна убрала отдельно. Я не собирался спорить с ней о семейной вещи.

— Вы предлагаете отвезти монеты Фёдору? — спросила она.

— После того как решите, кому что принадлежит. Сейчас они ваши. Я могу помочь с оценкой, но продажа сегодня не состоится.

Татьяна кивнула. Потом со стороны центрального входа донёсся громкий мужской голос.

— Вот и нашёлся кладоискатель! А мне сказали, манеж закрыт.

Голос я узнал сразу. Глеб Устинов умел произносить обыкновенное приветствие так, будто уже предъявлял счёт.

Он шёл через открытую зрительскую дверь вместе с двумя мужчинами. Одного я помнил по драке на парковке. Второй был коренастым, с тяжёлой нижней челюстью и в спортивной куртке. Устинов смотрел прямо на коробку с монетами. Я вспомнил седан напротив ворот. Возможно, люди скупщика наблюдали за моим приездом и ждали, когда мы займёмся старой стеной. Татьяне было вовсе не обязательно разглашать назначенное время. За его спиной в проходе замер молодой конюх в зелёной куртке, тот самый, которого я видел у Бархана.

— Вас сюда не приглашали, — сказала Татьяна.

— Дверь открыта. Я приехал с предложением. Судя по всему, вовремя.

— Уходите.

Устинов подошёл ещё на несколько шагов. Его взгляд быстро скользнул по пустой нише, свёрнутой ткани и моим рукам.

— Значит, серебро было. Сколько? Полсотни монет? Я мог избавить вас от всей этой возни.

— Могли избавить нас от своего присутствия, — ответил я.

Он даже не посмотрел на меня.

— Татьяна Сергеевна, предлагаю деньги за весь набор. Сегодня. Без ваших антикварных приятелей и их выдуманных экспертиз.

— Набор уже имеет владельца. И продавать его никто не собирается.

— Вы всё ещё спорите, когда вам предлагают живые деньги. Удивительная последовательность.

Татьяна достала телефон. Устинов заметил движение и наконец перевёл на неё глаза.

— Позовите ваших работников, — сказал он. — Пусть посмотрят, сколько вы прятали от них в старой стене.

— Люди здесь получают зарплату за работу, — отрезала Татьяна. — А вам пора выйти.

Коренастый сделал шаг к подстилке. Я успел поднять металлическую коробку с мешочком и монетами. Лежавшие рядом кругляши быстро собрал в коробку и закрыл крышку. Четырнадцать монет зазвенели внутри. Руки были заняты, что резко ухудшало мои возможности спорить кулаками.

— Поставь, Горин, — сказал первый подручный.

— Хозяйка решит, куда ставить.

Коренастый рванул к коробке, пока первый пытался отрезать мне выход. Я подхватил находку обеими руками, прижал крышку и отступил к стене. Драться с занятыми руками было глупо. Я прижал коробку к боку и освободил правую руку. У нападавших пропал удобный край, за который можно было хвататься.

Первый метнулся за серебром. Я встал поперёк узкого прохода, вытянул руку к поручню и заставил его обойти меня по длинной стороне. Коренастый пошёл напрямик, споткнулся о

собственную ногу и впечатался плечом в ограждение. Мне хватило этого мгновения, чтобы отодвинуть Татьяну дальше от выхода. Удар пришёлся в мою сторону, но цели я достиг: до коробки чужие руки так и не добрались.

Снаружи заволновался Бархан. Его копыто тяжело ударило о стену денника. Над головой звякнула незакреплённая цепочка. В денниках застучали копыта. Я крикнул Татьяне, чтобы увела людей из перехода, и остался между нападавшими и перегородкой.

— Хватит! — Татьяна обошла нас слева. — Это моя территория!

Устинов поймал её за запястье. Она вывернулась и ударила его свободной рукой по лицу. Звук получился сухим и очень убедительным.

На мгновение все замерли. Потом Устинов перехватил Татьяну за плечо и резко толкнул к стене. Я бросился между ними, успев отвести её в сторону. Коренастый снова схватил меня за куртку. Мы врезались в деревянную перегородку. Доска треснула, кто-то крикнул у входа.

Молодой конюх попытался оттащить Устинова от хозяйки. Он не рассчитывал, что скупщик развернётся мгновенно. Устинов ударил парня локтем, ухватил за ворот и прижал к себе. В правой руке у него блеснул короткий складной нож.

— Все стоят, — произнёс он негромко.

Мы остановились. Парень побледнел и замер. Лезвие лежало у его шеи, совсем близко к коже. Я видел, как судорожно двигается кадык под воротом зелёной куртки. Теперь цена моего следующего движения была яснее любой монетной оценки.

— Положи коробку, — сказал Устинов.

Посмотрел на Татьяну. Она стояла у стены, прижимая ладонь к плечу. В глазах у неё было бешенство, но она едва заметно покачала головой. Никакое серебро не стоило крови парня, который вообще пришёл сюда по своим конюшенным делам.

— Отпусти его, — сказал я. — Тогда поговорим.

— Сначала коробку.

— Она у меня. Если дёрнешься, не получишь ничего. Давай выход к двери, освобождай человека и уезжай.

Устинов скривился.

— Ты торгуешься с чужим ножом у горла?

— Я вижу, кого ты держишь. Ты тоже видишь, что золото у меня. Выбирай, чего хочешь больше.

Это была плохая сделка. Устинов мог резануть парня и попытаться отнять находку в суматохе. Я стоял слишком далеко, чтобы помешать. Случайная попытка геройства дала бы ему удобный повод доказать, на что он способен.

За стеклянной вставкой входной двери появились люди. Первой подошла инструктор в шлеме, за ней остановился мужчина, приехавший за ребёнком. Они увидели нож и не решились войти. Татьяна подняла телефон так, чтобы Устинов заметил включённый экран. Я не знал, успела ли она начать запись, но его взгляд задержался на аппарате.

— Посмотри вокруг, Глеб, — сказал я. — Здесь уже свидетели. Сейчас ты можешь уйти, не добавляя к своим сегодняшним поступкам ещё один.

— Угрожаешь?

— Предлагаю выход. Ты же любишь предлагать сделки.

Парень у его руки пытался не шевелиться, хотя едва держался на ногах. Я остался рядом, хотя Устинов ещё не добрался до ворот. Мы действительно могли выпустить его из манежа живым и с пустыми руками. Никакая победа не оправдала бы его смерти.

Он потянул конюха к проходу. Я пошёл параллельно, удерживая коробку перед собой. Коренастый отступал следом, бросая на меня злые взгляды. Татьяна держалась за нами на расстоянии. Никто не кричал. За дверью слышался обычный шум клубного двора, и от этой близости повседневной жизни становилось совсем мерзко.

У самого выхода Устинов остановился.

— А тот ваш замечательный гость где? — спросил он вдруг. — Который жеребца руками держит и в чужие драки вмешивается. Вы его тоже прячете в стене?

Я промолчал. Татьяна ответила за двоих:

— У меня нет сведений, которые вас касаются.

— Значит, интересный человек. Ещё увидимся.

Он толкнул конюха ко мне. Я шагнул навстречу, перехватил парня за плечо, и Устинов воспользовался этим мгновением. Уже через открытую дверь он двинулся к выходу, размахивая ножом, чтобы никто не пытался остановить. Его люди бросились следом.

Я мог оставить конюха на ногах и погнаться. Устинов находился в нескольких шагах. Одно удачное движение — и я, возможно, успел бы сбить его до ворот. Парень пошатнулся, ладонь прижал к шее. Я удержал его и остался на месте. Когда он наконец задышал ровнее, на улице уже хлопнула автомобильная дверь.

— Он тебя задел? — спросил я.

— Чуть-чуть. Я сам полез… — Парень сглотнул. — Татьяна Сергеевна, простите.

— Ты мне за что извиняешься? — Она подошла и осмотрела его шею. — За то, что помог?

На коже осталась узкая красная полоска. Кровь едва выступила. Татьяна велела ему немедленно пройти в контору, где хранилась аптечка, и попросила инструктора остаться рядом. Сама вышла к воротам, посмотрела вслед удаляющейся машине и вернулась, сжимая телефон.

— Уехали, — сказала она. — И очень хорошо, что вы остались с ним.

Я поставил коробку на столик у стены. Руки заметно дрожали после драки, рёбра отзывались тупой болью. Всё это сейчас было менее важно, чем зелёная куртка, исчезнувшая в коридоре. Я мог потерять клад. Мог погубить человека. Устинов уехал ни с чем, но придумал, как поставить нас перед таким выбором.

В конторе по-прежнему звонил телефон: кто-то хотел перенести завтрашнее занятие. Татьяна не ответила, пока не убедилась, что молодой конюх сидит в безопасности. Потом сама позвонила инструктору и попросила закрыть оставшуюся тренировку раньше. В её клубе сегодня снова сорвали рабочий день; ущерб уже не ограничивался сломанной перегородкой.

— Я все эти занятия потом буду объяснять родителям, — сказала она. — И людям, которым за смену всё равно надо заплатить. Устинов хорошо выбирает, по чему бить.

— У него не получилось забрать находку.

— Это сегодня. А завтра он начнёт рассказывать, что я скрываю от работников их деньги.

— Тогда можно показать, кому принадлежит имущество. Вы сейчас сами его закрываете и сами решаете судьбу.

— Постараюсь, чтобы этот порядок у нас сохранился.

Татьяна проверила внутренний карман. Брошь оставалась на месте.

— Я её не отдам, — сказала она. — Даже если всё остальное придётся продать ради клуба.

— Тогда не отдавайте. Серебро и золото здесь. Пересчитаем при вас ещё раз.

Мы открыли коробку. На подстилку вернулись двенадцать серебряных монет и две золотые. Ни одной не пропало. Татьяна пересчитала сама, затем сложила их обратно. Я передал ей коробку обеими руками, и только после этого понял, насколько крепко держал её всю схватку.

— Все ваши, — сказал я.

— Вы могли оставить себе хотя бы одну и назвать платой за риск.

— После сегодняшнего это было бы самым коротким способом потерять доверие окончательно.

Она долго молчала. Потом достала из кармана свёрток с брошью и положила рядом с коробкой, не выпуская из пальцев.

— Вы получите долю, Артём. От обычных монет, когда я решу, какие из них можно отчуждать и на каких условиях. Я обещала обсудить это после находки. Обещание остаётся.

— Буду ждать. Фёдор сможет оценить их, когда разрешите показать. До этого никакой продажи.

— И никакой охоты за Устиновым по городу, — добавила она.

— Согласен. Один раз уже доказал, что гоняться умею хуже, чем чинить машины.

Она коротко улыбнулась, но тут же снова посерьёзнела.

— Он спрашивал о человеке, который остановил Бархана. Из-за жетона? Из-за броши?

— Не знаю. Тот гость дважды вмешивался в неприятности и не проявлял интереса к моей работе со стеной. Может, Устинов рассчитывает продать всё необычное, что встречает.

— Людей тоже?

Я вспомнил, как скупщик держал нож возле шеи конюха.

— Он уже пытается.

Татьяна закрыла коробку и унесла семейную брошь в контору. Я остался у пустой ниши. Серебро нашли, а деньги за него ещё предстояло получить. На воротах мелькнула фигура конюха: из-за нашей находки он уже успел побывать под ножом.

Молодой конюх не решался возвращаться в конюшню. Я проводил его до остановки. По дороге он объяснил, через какую дверь проникли чужие и почему Павел не видел их из манежа. Татьяне я отправил не рассказ о драке, а точное место прохода. Клад лежал в коробке, однако чужая охота уже успела изменить весь порядок клубной жизни.

Глава 8. Ночной царь

В тот вечер я рассчитывал вернуться до девяти. Выдал последнюю машину, закрыл мастерскую и дважды оглянулся в зеркало заднего вида. Тёмного седана не заметил. Зато едва не проскочил нужный поворот: опасался преследователей больше, чем встречного движения.

Семён встретил меня у порога ворчанием из кухни. Домовой принюхался к моей куртке и заявил, что от неё пахнет конюшней. В споре о запахах у Семёна всегда оставался последний аргумент — стук в стену. Налил себе чай, достал из холодильника вчерашний ужин и услышал телефон.

Звонила Татьяна Воронцова.

— Артём, вы далеко от клуба?

— Уже дома. Если речь про стену, обратно её сегодня собирать не собираюсь.

— Внутри всё закрыто. Меня беспокоит машина за оградой. Тот тёмный седан, который стоял днём. Он снова здесь. Водитель уже выходил к боковой калитке.

Я отложил вилку.

— Он к вам обращался?

— Спросил, когда освободится стоянка. У нас после сегодняшнего стоянка пустая. Я сказала, что клуб закрыт. Теперь сидит и ждёт.

— Почему ещё не уехали сами?

— Потому что мне нужно закончить разговор с двумя инструкторами и закрыть контору. А ещё я не намерена убегать из собственного клуба всякий раз, когда Устинову захочется полюбоваться нашими воротами.

Это была та самая Татьяна, которая сумела дать по лицу скупщику, державшему её работника под ножом. С характером у неё всё было в порядке. Наличие характера, к сожалению, редко уменьшало количество людей, готовых ударить из-за угла.

— Оставайтесь пока внутри, — сказал я. — Приеду, посмотрю на эту машину. Не выходите с вещами на улицу.

— Я и без вас умею пользоваться дверью, Горин.

— Тогда пользуйтесь с внутренней стороны. Минут через двадцать буду.

Она отключилась без прощания. Я взглянул на недоеденный ужин. Ужин посмотрел на меня с привычным безразличием. Семён из кухни буркнул что-то о том, что нормальные люди по ночам выбирают телевизор. Я взял куртку и отправился разочаровывать домового дальше.

До «Берёзовой гривы» доехал быстро. На окраине уже стемнело, но дорога к клубу оставалась освещённой: вдоль нового тротуара стояли высокие фонари, рекламная вывеска напротив горела холодным белым светом. За оградой темнели манеж и конюшня. В нескольких окнах ещё горел свет. После дневной драки клуб выглядел особенно уставшим, словно здание тоже потратило силы на то, чтобы никому не уступить своё место.

Седан стоял там же, где я заметил его перед вскрытием стены. Теперь я разглядел водителя: широкое лицо, короткая стрижка, тёмная куртка. Он сидел, повернувшись к входу. Когда моя машина притормозила на противоположной стороне улицы, мужчина поднял телефон, посмотрел на экран и вышел.

Я припарковался возле остановки. Оттуда хорошо просматривались центральные ворота и узкая боковая калитка. Седан оставался у дальнего края парковки. Водитель прошёл вдоль ограды, будто выбирал место, где удобнее закурить. Однако сигареты у него не появилось. Вместо неё в руке мелькнул короткий ремень, свёрнутый кольцом.

Знакомый инвентарь для человека, который покупает чужое согласие исключительно кулаками.

Я написал Татьяне, что приехал. Ответ пришёл почти сразу: «В конторе. Через пять минут выйду. Макар закрывает конюшню». Я уже собирался попросить её задержаться, когда со стороны бокового проезда донёсся звук. Палец застыл над экраном.

Тяжёлые, неторопливые удары по асфальту.

Сначала я решил, что из конюшни вывели лошадь. В клубе даже после закрытия могли понадобиться прогулка или перевод животного в другое помещение. Но звук шёл снаружи ограды, от проезда между хозяйственным строением и пустующим участком. Там не было выхода из конюшни. Копыта приближались со стороны улицы.

Человек в тёмной куртке тоже услышал их. Он отошёл от калитки и выпрямился. Водитель смотрел в проход с жадным напряжением, которое я видел у Устинова в тот момент, когда он решил, что серебро уже лежит у него в кармане.

На освещённую полосу вышел незнакомец.

У меня на языке уже приготовился вопрос, зачем пожилой мужчина снова явился к клубу ночью. Я узнал его плечи, прямую посадку головы, спокойный поворот лица. Те же седые виски. Тот же взгляд, которым он днём оценивал комнату, двери и стоявшую у окна скамью.

Потом увидел остальное.

Ниже человеческой груди тянулось мощное лошадиное тело. Широкие бока блестели тёмной шерстью под фонарями; тяжёлые передние ноги переступали с размеренной осторожностью, задние задержались на границе света. Высоко над конской спиной поднимался человеческий торс. На плечах лежала тёмная ткань, а руки оставались человеческими — сильными, с длинными точными пальцами. Существо не пыталось прятаться. Оно двигалось по улице так, словно эта улица построена достаточно давно, чтобы знать правила приличия.

Я остановился возле своей машины. Даже после всего, что мне довелось увидеть в Кобрине, человеческое лицо над конским корпусом оказалось зрелищем, к которому трудно подготовиться. Один неверный шаг — и такую тушу пришлось бы объезжать целому автобусу. Но незнакомец шёл совершенно уверенно, выбирая середину свободного проезда.

Водитель седана выругался.

— Стоять! — крикнул он.

Существо остановилось. Свет фонаря падал на его лицо, плечи и круп. Оно повернуло голову, посмотрело на человека и чуть приподняло бровь.

— Вам что-то нужно?

Голос был прежний. Этот голос я уже слышал у служебной створки. Знакомый вежливый старик из конторы Татьяны сейчас занимал почти всю ширину выезда. Свет ничего с ним не делал. Под вывеской напротив его тень ложилась на асфальт совершенно ясно: четыре ноги, лошадиный корпус и человеческая верхняя половина.

— Ты… — Водитель попятился, потом вспомнил, что ему полагалось кого-то задержать. — Хозяин хочет поговорить.

— Пусть найдёт подходящие слова и придёт сам.

— Сказано, без шума. И без фокусов.

Незнакомец взглянул на ремень в руке мужчины.

— Для разговора вы выбрали странный предмет.

Водитель резко шагнул вперёд. Я видел, как он замахнулся ремнём на человеческую руку гостя. Двигался он с привычной уверенностью того, кто привык хватать пожилых людей за воротник. До руки не достал. Незнакомец поймал ремень, потянул — и мужчина перелетел через собственное плечо, ударившись спиной о металлический бак возле ограды.

Звук вышел такой, что у меня внутри неприятно сжалось. Бак качнулся, крышка упала на тротуар. Человек сполз на колени и несколько секунд только раскрывал рот.

Существо отпустило ремень.

— В следующий раз начните с приветствия, — произнесло оно.

Я машинально сделал шаг к пострадавшему. Потом остановился: тот уже поднимался и тянул руку под куртку. Появилась короткая металлическая дубинка. В отличие от ремня, ей можно было сломать кость, даже если владелец плохо представлял, что находится перед ним.

— Убери железо! — крикнул я.

Оба повернулись ко мне. Водитель узнал меня первым.

— Горин. Отлично. Ты здесь всё время и вертишься. Подошли поближе, поговорим.

— С твоим начальником я сегодня уже говорил. Одного разговора хватило на разбитую перегородку.

Он оскалился и метнулся к незнакомцу. Удар пришёлся по передней ноге, чуть выше колена. Металл глухо стукнул по живой плоти. Существо резко отдёрнуло ногу, шумно втянуло воздух и ударило нападавшего плечом. Мужчину отбросило к ограде, от которой тот отскочил уже без дубинки. Она звякнула об асфальт и покатилась под седан.

Незнакомец не погнался следом. Он застыл, широко расставив ноги. Руки опустились, грудь заметно поднималась. На тёмной шерсти осталась узкая ссадина. Я видел, как он перевёл вес на другую ногу, попробовал наступить раненой и на мгновение сжал зубы.

Значит, боль ему знакома. И железо для него остаётся железом.

Водитель, прислонившись к ограде, вытащил телефон. Он направил камеру на гостя. Красная полоска на его лбу медленно расползалась под волосами.

— Живой, — пробормотал он в телефон. — Я его вижу. Тут… конь, понимаешь? Человек сверху. Сниму. Скажи, сколько за такое дают.

Существо подняло голову. За спокойствием, с которым оно разговаривало днём, проступило выражение, заставившее меня вспомнить старые кладбищенские встречи. Злой человек при таком взгляде мог передумать очень быстро. Однако водитель уже говорил с кем-то, и его страх смешался с азартом.

— Ты сейчас сам себя продашь за бесценок, — сказал я и двинулся к нему.

— Не подходи! — Он резко отмахнулся телефоном. — Это мой заказ.

— Заказ был на что? На фотографию? Ты его видел при дневном свете, тогда надо было снимать.

— Мне сказали взять живым. Он же тогда человек был. Обычный старик! Кто мог знать…

Он осёкся, поняв, сколько лишнего сказал. Я запомнил слова, хотя больших открытий они мне не принесли. Устинов смотрел на всех вокруг как на товар. Примеряться к цене он начал ещё до того, как узнал размеры покупки.

Из-за ворот послышался щелчок замка. Татьяна вышла на внутреннюю дорожку и остановилась за оградой. На ней была куртка с поднятым воротником, в руке — телефон. При свете клубного фонаря я увидел, как медленно меняется её лицо.

— Артём, — сказала она, — что это?

Я мог бы ответить «наш старый знакомый». Вряд ли ей стало бы легче.

— Тот человек, который остановил Бархана, — произнёс я. — Похоже, сегодня он решил не пользоваться чужой машиной.

— Я узнала голос.

Существо повернулось к ней. Оно не стало приближаться. Между нами и воротами оставался широкий тротуар. За спиной незнакомца, на дальней стороне улицы, проехал автобус; водитель сбросил скорость, пассажир у окна прижался к стеклу. Происходящее прекрасно просматривалось со стороны. Ни один фонарь не погас, ни одна тень не помогла гостю спрятаться.

— Госпожа Воронцова, — сказал он, слегка склонив голову. — Мы уже встречались.

Татьяна вцепилась в перекладину ворот.

— Вы были у меня в конторе. Днём.

— Верно.

— И стояли на манеже, когда Бархан понёс.

— Пришлось вмешаться. Лошадь могла пострадать.

Слова прозвучали буднично. Татьяна посмотрела на огромные ноги незнакомца, потом на двор, где располагалась конюшня. Она явно пыталась понять, что увидел бы Бархан при такой встрече. Я сам задавался похожим вопросом, но объяснение про волшебное чутьё жеребца меня не устраивало. Бархан в первый вечер испугался обычного шума и рывка. Теперь перед нами стояло существо, с которым ни один разумный конюх не стал бы устраивать знакомство в тесном проходе.

Водитель седана воспользовался нашей паузой. Он оттолкнулся от ограды и бросился к открытой калитке. Татьяна шагнула назад. Я перехватил его поперёк дороги, ударил ладонью в плечо и оттеснил в сторону припаркованной машины. Мужчина развернулся и врезал мне кулаком под скулу. Я удержался на ногах, ухватил его за рукав и толкнул от ворот.

— Тебе хватило на сегодня чужих дверей, — сказал я.

Он попробовал вывернуться, но неожиданно застыл. В отражении окна седана уже появилось огромное тёмное тело. Существо подошло обычным шагом — слышно, с тяжёлыми ударами копыт. В нескольких метрах от нас оно остановилось, уставившись на водителя.

— Вы хотели поговорить, — произнесло оно. — Я ещё не закончил слушать.

Мужчина дёрнулся, пытаясь отскочить. Я выпустил его рукав и сам отошёл. Незнакомец протянул руку, поймал водителя за ворот куртки и одной рукой оторвал от земли ровно настолько, чтобы его ботинки перестали доставать асфальт. Человек захрипел, забил ногами. Существо удержало его несколько ударов сердца, затем поставило обратно.

— Передайте хозяину: меня нельзя купить, — сказало оно. — Приходить за мной с железом тоже плохая мысль.

Водитель попятился к седану. Существо не удерживало его. Я заметил, как незнакомец снова перенёс вес с больной ноги, едва заметно вздрогнул и глубоко вдохнул, словно для разговора ему пришлось собраться с силами. На плечах под тканью проступил пот. Водитель успел добраться до дверцы, прежде чем незнакомец сделал следующий шаг. Тот шаг оказался короче предыдущего.

— Уезжай, — сказал я водителю. — Пока он не передумал.

— Всё снял? — спросил он, подняв телефон с асфальта. Ответа я не услышал. — Я передам, — добавил он уже тише.

Он забрался в седан, захлопнул дверь. Двигатель завёлся со второй попытки. Машина сдала назад, вырулила на дорогу и уехала к городу. На мокроватом асфальте осталась тёмная полоса от шины, возле бака валялась крышка. Гость смотрел ей вслед, пока красные огни не скрылись за поворотом.

— Он покажет запись Устинову, — сказала Татьяна из-за ворот.

— Вероятно, — ответил незнакомец.

— Вы понимаете, что тот начнёт за вами охотиться?

— Он уже начал. Сегодня ему объяснили, почему это неудобное занятие.

Татьяна посмотрела на меня. Я развёл руками. Самоуверенность гостя не нравилась мне почти так же сильно, как сила. Раненая нога и тяжёлое дыхание напоминали, что однажды Устинов придёт с оружием серьёзнее складной дубинки. Он наверняка запомнит, в каком месте незнакомцу труднее разворачиваться. Скупщик умел извлекать пользу даже из позорных поражений.

— Зачем вы приходите ко мне? — спросила Татьяна.

Гость повернулся к воротам. От его движения по земле пробежала огромная тень; верхние человеческие руки оставались спокойными.

— Я спрашивал вас об одном старом подарке. Вы обещали подумать.

— Я ничего не обещала отдавать. Моя семья жила здесь задолго до меня. У нас достаточно вещей, к которым посторонние проявляют болезненный интерес.

— Я знаю. Поэтому снова пришёл сам.

— Сегодня мы открыли стену, — сказала она. — Там были монеты и брошь. Если вы пришли из-за них, можете сразу услышать мой ответ: всё найденное находится у меня.

Я увидел, как взгляд гостя изменился. Он посмотрел на Татьяну пристально, словно пытался расслышать последнюю фразу сквозь шум улицы.

— Брошь? — переспросил он.

— Семейная. С тёмным камнем и металлическими листьями. Её носила моя прабабушка, насколько я знаю.

— Показывать не прошу, — сказал незнакомец. — Вещь, которую я ищу, другая.

— Откуда вы знаете, если её не видели?

— Вы описали брошь. Я помню свой подарок.

Он произнёс последние слова тихо. Я заметил, как опустились его плечи. До этого он держался с почти оскорбительным спокойствием человека, которому не страшны чужие угрозы. Сейчас под фонарём стоял кто-то гораздо более усталый. На секунду стало понятно, что он ходил к клубу с собственным счётом к прошлому. Но кто выставил этот счёт и когда, оставалось неизвестным.

— Назовите, кому подарили, — потребовала Татьяна. — Тогда я хотя бы пойму, какое отношение это имеет к моей семье.

Гость провёл ладонью по запястью. Рука дрогнула после недавней схватки.

— Сегодня я не готов говорить об этом на улице, — ответил он.

— Здесь мои ворота. Вы сами выбрали место.

— Да. И ошибся.

Татьяна выдержала его взгляд.

— Я не вынесу вам ничего из дома, пока не пойму, кто вы и чего хотите. Нашу находку уже пытались отнять ножом. С меня хватит.

Существо медленно наклонило голову.

— Это разумно. Я не требую чужого серебра.

— А что будет, если ваше старое украшение окажется у кого-то другого? — спросил я. — Скупщик быстро разберётся, что за него готовы спорить.

— Тогда я приду к этому человеку.

— И будете разговаривать так же вежливо, как с тем у бака?

Впервые за вечер он посмотрел на меня без тени учтивости.

— Вы видели, кто начал.

— Я видел. И видел, как легко вам его удерживать. Людей пугает то, с чем они не способны справиться. Испуганные люди часто действуют глупо.

— Ваш Устинов пока не проявил страха. Он проявил жадность.

Я хотел поправить это «ваш», но промолчал. Кем бы ни оказался незнакомец, спорить о принадлежности скупщика было бессмысленно. Нас объединяло его внимание. Приятного в таком родстве мало.

За оградой послышались быстрые шаги. Макар появился возле Татьяны и застыл при виде тёмного тела на улице. В его руке висела связка ключей. Он заглянул мне через плечо, потом отступил к двери конторы.

— Татьяна Сергеевна… Это к нам?

— Никого выпускать, — сказала она. — И закрой конюшню. Бархану лишние впечатления ни к чему.

Макар послушно ушёл. Я заметил, как он на ходу обернулся ещё раз. В глазах у него было чистое изумление. Может, завтра он перескажет историю кому-то за воротами. Но сейчас у него имелся прямой приказ хозяйки, и он его выполнял.

Вдалеке послышался звук приближающейся машины. Гость повернул голову на звук, потом взглянул на разбитый бак и валявшийся рядом ремень. Лицо его стало холоднее.

— Скажите вашему скупщику ещё одно, если встретите, — обратился он ко мне. — Вещь, которую я ищу, была подарена добровольно. Тот, кто вздумает объявить её добычей, будет со мной говорить сам.

— Устинов предпочитает, чтобы за него говорили люди с дубинками.

— Тогда ему придётся научиться другому.

Он развернулся к проезду, откуда появился. На больную ногу наступал осторожнее. Несколько шагов шёл медленно; потом походка выровнялась. Мне казалось, он с трудом удерживает себя от нового броска к уехавшему автомобилю. Вместо этого выбрал свободную дорогу вдоль освещённой ограды. Копыта стучали по асфальту ровно и слышно.

— Постойте, — окликнула Татьяна.

Существо остановилось, не оборачиваясь всем корпусом.

— Сколько вы ещё будете приходить сюда?

— Пока смогу убедиться, что подарок не отдали человеку, который хочет его продать.

— А если я попрошу оставить мой клуб в покое?

Он повернул к ней голову.

— Тогда буду ждать вашего решения за оградой.

От этих слов мне стало неуютно. Обещание звучало сдержанно, но в нём не было ни срока, ни права отказаться от разговора. Татьяна тоже это поняла. Она закрыла калитку, проверила замок и убрала ключ в карман.

Гость пошёл дальше. Открытый участок дороги он пересёк на наших глазах. Машина, подъезжавшая от города, притормозила, водитель растерянно посигналил. Незнакомец не ускорился и не исчез. Он просто уступил автомобилю часть проезда и продолжил идти к пустырю за последними фонарями. Когда темнота окончательно проглотила его силуэт, звук копыт ещё некоторое время доносился издалека.

Я подошёл к воротам. Татьяна открывать их не стала, и я был ей за это благодарен. Сегодня между ней и улицей вполне уместно стояла прочная ограда.

— Вы знали, что он такой? — спросила она.

— Подозревал, что с ним есть серьёзная странность. Теперь у меня появилось более подробное объяснение следов возле калитки.

— Он мог раздавить того человека.

— Мог. Но отпустил. Он и сам получил удар. Значит, этот спор ещё способен закончиться очень плохо.

— Устинов теперь не успокоится.

— Да. Особенно если у него есть запись.

Татьяна медленно выдохнула. За её спиной погасло последнее окно манежа. В клубе оставались монеты, жетон и семейная брошь, которую она никому не собиралась уступать. По ту сторону ограды только что прошёл гость из чужой, совершенно непонятной истории. Между ними пока оставались закрытые ворота и решение Татьяны никого не впускать.

— Завтра я решу вопрос с вашей долей, — сказала Татьяна. — Монеты останутся моими, пока мы не оформим передачу. Фёдора приглашу к оценке только тех, которые смогу выделить вам. Брошь никто трогать не будет.

— Так и сделаем. Не обещайте Устинову ничего по телефону.

— Я ему давно ничего не обещаю. И вам тоже не предлагаю искать остальные семейные ценности без отдельного разговора.

— Я и после сегодняшней стены могу какое-то время пожить без новых кладов.

— Не верю, — сказала она и впервые за вечер чуть улыбнулась. — Но это уже ваша проблема.

Мы попрощались через ограду. Татьяна ушла к конторе, чтобы забрать вещи и выйти с другой стороны, где ещё оставались сотрудники. Я задержался возле разбитого бака. Ремень валялся на земле, рядом виднелась глубокая отметина от тяжёлого копыта в полосе мягкой грязи между тротуаром и оградой. Обычный след, оставленный необычным существом. Такой след мог увидеть любой прохожий. Никакое заклинание не требовалось, чтобы поверить в случившееся.

У бордюра блеснула отломанная металлическая накладка с дубинки. Я поднял её платком и показал Татьяне издали. Она потребовала оставить предмет у служебного входа, чтобы сотрудники видели, чем били по их двору. Под фонарём, рядом с глубокой отметиной копыта, лежали два разных следа одной охоты. Я запомнил оба: Устинов оставил после себя след дубинки, а незнакомец — глубокую отметину копыта.

Я сел в машину. Телефон коротко завибрировал: сообщение от Фёдора. «Татьяна звонила насчёт монет. Завтра смогу принять только то, что она действительно передаст тебе. Никаких семейных украшений». Даже антиквар, который любил старину больше большинства живых людей, предпочитал сначала разобраться с владельцами.

«Согласен. Утром уточню, какая доля моя», — ответил я.

За перекрёстком мелькнул тёмный автомобиль. Я не стал бросаться следом. Возле запертой служебной калитки из темноты донёсся тяжёлый осторожный шаг, а потом звук стих. Ночной гость выбирал собственную дорогу. Татьяна берегла найденное серебро, Фёдор ждал законной сделки, и только охотники пытались распоряжаться всем сразу. Я повернул домой — утром предстояло узнать, что из клада действительно досталось мне.

Глава 9. Плата за серебро

Перед дверью в кладовую белела полоска сахара. Семён высыпал её ночью: после встречи с огромным ночным гостем он ожидал от меня любой заразы. За наружными воротами домовой был бессилен, зато внутри мастерской менял знакомые двери с самодовольством опытного хозяина.

— Убирай, — сказал я в сторону шкафа. — Здесь люди работают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.